

Любовь

вопреки

Елена Тюрина

**Заговор
Высокомерных**

Елена Андреевна Тюриня

Заговор Высокомерных

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50633799

SelfPub; 2024

Аннотация

Старинная драгоценность, полученная в награду от императора, исчезла во время пожара в дворянской усадьбе перед революцией 1917 года. Вместе с ней пропала пятилетняя девочка – дочь графа, хозяина дома. Эти таинственные пропажи странным образом связаны с преступлением, случившимся в наши дни. У знаменитого кондитера украли секретный рецепт торта под названием «Заговор Высокомерных». А позже он сам был найден убитым. Только молодой журналистке Миле и следователю капитану Каплину под силу распутать такие загадки.

Содержание

Пролог	4
Глава I	7
Глава II	16
Глава III	26
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Елена Тюрина

Заговор Высокомерных

Пролог

Январь 1917 г., Рязанская губерния, Российская империя

Что явилось причиной пожара – никто потом точно сказать не мог. Просто вдруг среди глубокой январской ночи имение графа Алексея Волговского вспыхнуло, как огромный костер. Зарево было видно далеко по округе. В окрестных деревнях стало светло почти как днем. Крестьяне, завидев из окон, что небо над ними посветлело и приобрело зловещий багровый оттенок, повыскакивали из хат кто в чем был, толпились на снегу, переговаривались. Но направиться в сторону полыхающей усадьбы мало кто решался. Все-таки леса кругом, морозы стоят страшные, волки от голода совсем обнаглели. Поняли только, что барский дом горит. А что там случилось – бог его знает.

Люди потом долго шептались, будто пожар – дело рук нечистой силы. То ли ведьма какая графский род прокляла, то ли колдун. Да мало ли, что народ наплести может.

В том пожаре много дворовых погибло. Кто задохнулся, кого завалило балками рухнувшей крыши. Сам граф остал-

ся невредим. А вот его малолетняя дочь Ксения исчезла. Ни среди мертвых ее не нашли, ни среди живых. А еще болтали, будто бы очень ценная награда у барина была, самим императором врученная. И она тоже как в воду канула.

После случившегося жальче всего было пропавшую девочку и белого жеребца, заживо сгоревшего на конюшне. Конь метался, бился в огненном аду, а потом встал на дыбы, застрял передними копытами в стене и так и погиб.

Варвара, нянька маленькой Ксении, клялась и божилась, что лично девочку из огня вынесла. А куда потом дитя делось – знать не знает. Будто сквозь землю малышка провалилась. Хотя куда может деться ребенок пяти лет от роду сам по себе?

Говорят, что усадьбу на самом деле спалили революционеры, хотя революция-то грянула позже. Как бы там ни было, а никто в том злодеянии так и не признался. Граф сначала в другое имение перебрался – на север. Женился, сын у него родился. А через год, как полыхнула гражданская война, так и вовсе за границу с семьей подался.

Потом большевики в поместье Волговских сделали клуб, а чуть позже – поселковый совет. Но местные старожилы из тех, что помнили графа, не переставали сокрушаться, да молодежи рассказывать, каким он был добрым и щедрым барин. А дочку его считали с тех пор погибшей. Распустили слух, будто дух девочки саму усадьбу и окрестные села оберегает. Между собой вспоминая Ксению, величали ее «ма-

ленькой хозяйкой» или «юной госпожой». Никто и не догадывался, что жива тогда осталась Ксюша и невредима...

Глава I

2020 г.

Торт этот был поистине невероятным. И дело вовсе не в его исполинских размерах. Таких огромных тортов Мила в своей жизни видела предостаточно, начиная с двадцати пяти килограммового кремowego гиганта на ее первой свадьбе. Куда больше поражал его черный цвет. Да, торт был именно черный, и еще сверкал совершенно гладкой, почти зеркальной поверхностью, в которой, если приглядеться, наверняка можно было увидеть собственное отражение. Это похлеще до блеска натертой плитки в ванной ее свекрови!

Одну половину торта словно бы укрывал отрез ярко алой ткани, при взгляде на который вспоминалась цитата из «Мастера и Маргариты» о прокураторе Иудеи и его белом плаще с кровавым подбоем. Кроме того, этот кондитерский шедевр украшали белые лилии, не отличимые от живых цветов, а также крупные перламутровые бусины, походившие на жемчуг. А нижнюю часть каждого из трех ярусов оплетал серебристый узор в виде тончайшего изысканного кружева. По мнению журналистки, употреблять в пищу такое произведение искусства было сравнимо с вандализмом.

– Меланья Романовна Литвинова, если не ошибаюсь? –

раздался за спиной Милы приятный мужской голос.

Она оглянулась и увидела очень смазливого, молодого, щегольски одетого мужчину. До этого момента журналистка несколько иначе представляла себе кондитеров. Уж точно не такими мускулистыми и зеленоглазыми. Молодая женщина кивнула, подтверждая, что это именно она и есть, и мужчина продолжил:

– Свое творение я посвятил кардиналу Мазарини. Помните? Из трилогии о мушкетерах.

– Помню, конечно, – отозвалась журналистка. – А почему не в честь Ришелье? Ведь, если не ошибаюсь, именно этого кардинала считают гением политики.

– Мне больше по душе Джулио Мазарини, – обаятельно улыбнулся француз. – Да и торт посвящен не столько самому кардиналу, сколько заговору аристократии против него, получившему название «Заговор Высокомерных». Он был возглавлен маркизом де Шатонефом, герцогом де Бофором и другими. Заговор поддержала и сама герцогиня де Шеврез. Гм... великая шлюха и интриганка. Ну, вы, наверное, знаете историю.

Мила была слегка ошарашена такими рассуждениями. А еще ее немного удивило полное отсутствие акцента у француза.

– Но главная ценность этого торта вовсе не в его внешнем оформлении, а во внутреннем содержании, – заметил Оливье де Шарлеруа, обходя громадное кондитерское изделие по

кругу.

Мастер, не скрывая удовольствия, любовался своим творением.

– И чем же уникальна начинка? – любопытствовала журналистка.

– А вот этого я вам сказать не могу! Пока. Не хочу так сразу раскрывать главную интригу. И вы, что же, не будете мне задавать обычных вопросов о детстве, о том, почему выбрал такую профессию, сколько тортов создал за всю жизнь и тому подобное?

Мила улыбнулась.

– Вы, наверное, на такие вопросы уже сотню раз отвечали.

– Если не больше! Любит ваша братия одно и то же спрашивать.

Ее левая бровь иронично изогнулась и подпрыгнула вверх.

– Иногда это необходимость. Каким бы знаменитым не был интервьюируемый, далеко не все читатели знают его биографию.

– Быть может и так, – не стал спорить кондитер. – Давайте, я вам лучше расскажу об одном преступлении.

Красавец-француз аккуратно взял ее за локоток и увлек в небольшую комнатку с диванами, напоминающую будуар аристократки. Определенно, в его кондитерской было очень мило. И ничего здесь не напоминало советские кондитерские цеха с кафельной плиткой на стенах. Хотя, признаться,

именно это она на самом деле и ожидала увидеть.

Миле начинало нравиться ее первое редакционное задание. Правда, сначала она восприняла интервью с кондитером, даже таким знаменитым, как Оливье де Шарлеруа, как работу для неопытного стажера. Хотелось чего-то более серьезного. Но редактор, должно быть, посчитал, что время, проведенное дома с маленьким ребенком, могло неблагоприятно сказаться на ее профессиональных навыках.

– И что же за преступление? – спросила молодая женщина, располагаясь в глубоком, обтянутом бордовым бархатом, кресле и доставая диктофон.

– Нет-нет, прошу, без этого! – слишком бурно воскликнул Оливье, глядя на записывающее устройство.

– Как скажете, – она спрятала диктофон обратно и незаметно включила запись на мобильном.

Ей уже не раз попадались вот такие странные личности, пугающиеся того, что их слова будут зафиксированы. И она наловчилась их немного обманывать. Что ж, так надо для дела. Трудно писать материал, опираясь исключительно на пометки в блокноте и собственную память.

– У меня кое-что украли, – понизив голос, сообщил француз.

Молодая женщина подняла на него свои цыганские глаза. Взгляд ее стал куда более заинтересованный. Она так посмотрела на кондитера, словно увидела в его лице что-то новое.

Однако после разговора с французом молодая женщина вышла слегка озадаченная. Теперь ей казалось, что Оливье малость не в себе. Только и говорил, что о похищении у него полной рецептуры приготовления шедевра под названием «Заговор Высокомерных», просил помочь в поиске коварного похитителя и обещал щедро отблагодарить. Вот точно говорят, что многие творческие люди, мягко скажем, очень необычные. И не понятно, о чем теперь писать статью на целую полосу...

Чтобы хоть как-то укрыться от холодного дождя, Мила спрятала подбородок в шарф-снуд, пышными складками укрывавший ее шею и плечи, а руки – в карманы пальто. Кожаные перчатки, конечно, вещь очень элегантная, но в такую погоду совершенно бесполезная. Сапоги на шпильках в слякоть тоже оказались не самой удобной обувью. Поблизости как раз находился главный офис охранного холдинга «Кордон безопасности», который вот уже почти год возглавлял ее муж, поэтому Мила направилась напрямик туда. По крайней мере, теплый прием, горячий кофе и более чем приятная компания ей там обеспечены.

Олег сидел за компьютером и не спеша потягивал чай с лимоном. Вид за окном не радовал. В кабинете свет горел с утра и до вечера, иначе были бы совсем потемки. В работе тоже образовался беспросветный застой.

Развеяло тоску неожиданное появление благоухающей цветочным ароматом дорогих духов блондинки в ярко алом

пальто с воротником апаш.

– Привет, Лалин. Твоя секретарша куда-то смылась и я не стала ее ждать, вошла без спроса, – сообщила красotka, усаживаясь на стул и закидывая одну стройную ногу в элегантном замшевом ботфорте на другую.

Олег молча отвел взгляд от монитора компьютера и впросительном поглядел на посетительницу.

– Здравствуйте, Дарья Александровна. Я, вообще-то, работаю, – наконец произнес он.

– Да ладно, я в курсе. Как раз отвлечешься, отдохнешь немного, – она поставила локоть на колено и подперла кулачком подбородок. – Как дела? На работе и так, вообще. Как личная жизнь?

На ее красивых выразительных губах застыла мягкая полуулыбка.

– Вашими молитвами.

– Тогда, видимо, не очень, – усмехнулась блондинка. – Я давно не молюсь.

– Даша, мне серьезно некогда.

– Эх, Лалин, и как тебя угораздило стать владельцем ЧОПа?

– Это не ЧОП. Это охранный холдинг. Между прочим, мы частную охрану твоего мужа обеспечиваем.

– Да какая разница! Ты был таким классным пианистом! И вот так взять похоронить талант! ¹

¹ Об этом подробнее описано в романе «Усадьба Розель».

Лалин чуть нахмурился, но не стал спорить. Дарья зевнула, очень женственно прикрыв при этом рот ладонью.

– Представляешь, мужик, который мне ногти делает, совсем оборзел, – неожиданно посетовала она. – Так достали его намеки на секс! Ручки мне гладит, масляными глазенками лапает. Ага, сейчас. Я еще за маникюр не спала!

– Я думал, мужчины, работающие в бьюти-индустрии, женщинами в этом плане не интересуются. Может тебе кажется? Или он влюбился.

– О, этот скромный, воспитанный и вежливый Олежка! Ты смеешься? «Влюбился». Я уже не маленькая наивная девочка, способна любовь от похоти отличить.

– Тогда просто пошли его, – посоветовал Лалин. – И найди другого мастера.

– Наверное, так и придется сделать. Заодно и швею другую подыщу. А то новое платье в груди жуть как давит, – молодая женщина сопровождала свои слова красноречивым жестом – сжала через пальто и слегка приподняла бюст. – А ведь она мерки снимала старательно! И все равно напортачила.

Удивительно, но из уст Дарьи Лисневской, хозяйки автосалона «Mountain», все это вовсе не звучало грубо или вульгарно.

Олег даже бровью не повел, слушая жалобы сидевшей напротив красотки. Та вальяжно откинулась на спинку стула и расстегнула пальто, под которым оказались черная атласная

рубашка и юбка-карандаш.

– Жарко тут.

Дарья достала сигарету, подкурила и, сделав затяжку, элегантно отвела руку в сторону. Олег поставил перед ней пепельницу в виде слона.

– О, ты опять куришь? – удивилась она.

– Нет, это для посетителей. Сама-то не думаешь бросить? Гадость же. Или хотя бы на электронные перешла.

– У меня был вейп. Муж дарил. Дорогой какой-то, модный. В раздевалке фитнес-клуба стащили. Или потеряла где-то. Да и фиг с ним. Меня вообще не прет. И, кстати, они не безопаснее обычных.

Молодая женщина снова зябнулась, при этом на ее щеках ярче очертились эротичные впадинки.

– Что, даже кофе не предложишь? – спросила она, выпустив изо рта струйку дыма.

Тон ее был игрив, но отвечал Олег довольно серьезно.

– Катя вернется, сделает, – бросил без выражения мужчина.

– А зачем нам ждать секретаршу? У тебя же есть кофеварка? И ты прекрасно варишь кофе.

Олег повернулся к гостье, чуть подался вперед, внимательно посмотрел своими серыми глазами в ее зеленые и твердо сказал:

– Даша, я занят.

– Лалин, ты очень скучный человек. Ладно. Вообще я хо-

тела попросить тебя об одной услуге. Тут же надежно? Мне нужно у тебя временно кое-что оставить.

–Что?

– Вот. Это украшение, – она вынула из сумочки довольно увесистый синий бархатный футляр. – Банковским ячейкам я не доверяю. Кризис в стране. Воры уже и до них добрались. У одного моего клиента сперли прямо из ячейки сорок штук антикварных золотых монет, прикинь.

– Хорошо, давай, – Олег поспешно взял у нее футляр и, не открывая, поместил в сейф, стоявший как раз около стола.

Выражение лица мужчины демонстрировало надежду на то, что после этого посетительница от него отвяжется. Так и получилось. Дарья не стала задерживаться и вскоре вышла из кабинета Лалина поступью царицы, оставляя за собой шлейф из аромата французских духов и легких дамских сигарет.

Глава II

– Фу, ну и накурено у тебя! – на ходу сбросив пальто, Мила уселась на стул, на котором еще недавно сидела Дарья. – Представляешь, мне сегодня по работе пришлось с каким-то ненормальным общаться. Точнее брать интервью. Он говорит, что у него украли рецепт торта.

Молодая женщина принялась приводить в порядок свои длинные темные волосы, заметно пострадавшие из-за уличной сырости.

– Рецепт торта? – Олег откинулся на спинку компьютерного кресла и усмехнулся, небрежно вертя в руках ручку. – А он что, его наизусть не помнит?

– Нет, рецепт довольно сложный и там много ингредиентов. Причем достаточно редких, вроде лепестков различных цветов.

Заметив, как брови мужчины поползли вверх, журналистка улыбнулась.

– Сейчас цветочная кулинария – модный тренд. Ты что, не знал, милый?

– Я, видно, совсем отстал от жизни.

– Вот-вот, надо поменьше работать! Кто обещал мне поездку в горы и катание на лыжах?

Олег не стал напоминать супруге, что если бы он поменьше

ше работал, они бы не смогли позволить себе не то, что поездку в горы, но и две машины, а также много чего другого. Ее зарплаты журналиста едва ли хватило бы на еду и оплату коммунальных услуг. Но Лалин был очень тактичным человеком. А вот его мама – нет. Анна Ивановна не уставала критиковать невестку за то, что та вышла из декретного отпуска раньше положенного срока и за то, что ее внука отдали в обычный садик. По мнению этой почтенной дамы, маленький Ванечка должен пребывать на домашнем обучении или, на худой конец, посещать частный детский сад. Олег не раз в шутку предлагал нанять мальчику гувернера со знанием французского, но Анна Ивановна, должно быть, так и не уловила иронии в словах сына, потому что продолжала настаивать на своем.

– В общем, этот кондитер Оливье де Шарлеруа якобы является потомственным французским дворянином, – принялась рассказывать мужу Мила. – А в Россию приехал, потому что здесь у него имеются какие-то корни – то ли прадед его отсюда родом был, то ли прабабка. Я подробностей не запомнила, потому что он мне все уши прожужжал про этот торт, а вот свою биографию рассказывал с неохотой, то и дело норовя сменить тему.

– Променял Францию на Россию? Интересно, – вновь повернувшись к компьютеру, прокомментировал Олег.

– Здесь Оливье арендовал помещение под кондитерскую и даже планирует со временем открыть собственный магазин

эсклюзивных сладостей ручной работы. Но обо всем этом он говорил как-то вскользь, особо не вдаваясь в детали. Пояснил, что боится сглазить, – продолжала оживленно повествовать его супруга.

– Надо же, француз, а как суеверен! – усмехнулся мужчина, стуча по матовым черным клавишам клавиатуры.

– Благодаря своим поистине великолепным тортам и пирожным Шарлеруа обрел широкую популярность в кругах местных богачей и политиков. Сейчас стало модным заказывать у него торт на торжество. ...Лалин, ты меня вообще слушаешь?

Мила пощелкала в воздухе пальцами, чтобы привлечь к себе внимание. Олег оторвал взгляд от монитора и повернулся к жене. Его чистые серые глаза теперь выражали почти искреннюю заинтересованность.

– Прости, что ты говорила?

– Говорю, дай денег на новый планшет. Мой испустил дух, – журналистка поняла, что супруг ее практически не слушал, и решила подшутить над ним.

Но в следующий момент заглянула секретарша и сообщила, что какой-то важный клиент звонит Олегу по видеосвязи на ее компьютер.

– Извини, я сейчас, – бросил Лалин, выходя. – Деньги сама возьми в сейфе, сколько надо. Ты же знаешь код.

Мила проводила мужа удивленным взглядом. По всей видимости, ее шутку он воспринял вполне серьезно. Грех не

воспользоваться такой удачей. Молодая женщина ни в коем случае не считала себя меркантильной, но сейчас ее осенила мысль, что ведь и правда планшет дышал на ладан, да и еще кое-что по мелочи нужно было купить. И вообще, Лалин сам виноват! Надо быть внимательнее к собственной супруге. Найдя оправдание благодаря этим своим мыслям, Мила ввела нужные цифры. Открыв сейф, она первым делом бросила взгляд на синий футляр, лежавший поверх бумаг. О деньгах журналистка моментально забыла. В таких футлярах обычно хранят украшения. А этот, судя по размеру, тянул на целое кольцо. Вдруг это подарок для нее, и Лалин просто забыл, что положил его сюда? Неудобно получится. Мила решила сделать вид, будто вовсе не заглядывала в сейф, и признаться, что ее просьба о деньгах была просто шуткой. Но движимая любопытством, молодая женщина все же открыла бархатный футляр. Содержимое, мягко говоря, вызывало удивление. На атласной подушке лежал усыпанный, судя по их чистому блеску, настоящими драгоценными камнями, двуглавый орел. Журналистка услышала голос мужа за дверью. Рассматривать странное изделие не было времени. Почему-то не хотелось, чтобы супруг знал, что она видела эту драгоценность. Мила быстро сфотографировала украшение на телефон, – увы, в спешке фото получилось смазанным – и спрятала коробочку обратно в сейф.

– Я уже освободился, – вдруг сообщил Олег и открыл шкаф, чтобы достать дубленку. – Поехали в какое-нибудь ка-

фе, посидим.

Молодая женщина посмотрела на мужа, любуясь. Светлоглазый стройный блондин, он был к тому же и довольно высокого роста. Кажется, Лалин всегда выглядел безупречно. Ему очень шли пиджак и брюки, но не менее хорош Олег был и в обычных джинсах и свитере. Мила молча встала, подошла и обняла его. Мужчина прижал жену к себе. И так хорошо ей стало в его руках, так уютно. Не хотелось никуда спешить и ни о чем думать. Во всяком случае, ни о каких тортах и кондитерах уж точно.

– Давай лучше поедem домой, и побудем вдвоем, – произнесла журналистка, утыкаясь лицом в его плечо.

Планерка на следующее утро прошла быстро и без привычного уже разноса. Но, тем не менее, из кабинета шефа Мила вышла совсем без настроения. Оказалось, тому позвонил этот сумасшедший кондитер-француз и уговорил снова прислать к нему Литвинову. Якобы у него есть какое-то сенсационное заявление.

При появлении Милы Оливье бросился к ней и принялся эмоционально жестикулировать.

– Я все решил! Не будем скрывать пропажу рецепта, а наоборот поднимем шумиху! И вы мне поможете вывести вора на чистую воду.

– Оливье, ну сами подумайте, зачем кому-то воровать рецепт торта, – попыталась образумить его молодая женщина.

– Как! Вы не понимаете! Он же стоит баснословных де-

нег! – кондитер явно себе льстил. – У моего торта уникальный состав и вкус, которого я добился путем многочисленных экспериментов. Все пропорции были тщательно выверены и записаны. А теперь мои записи исчезли. Из кабинета пропал блокнот, из компьютера – файл с рецептом. Повторить торт я отныне не в состоянии. Точнее, это займет уйму времени. А ведь клиент очень важный, между прочим, и уже заплатил за него кругленькую сумму!

– Так в чем проблема? Верните деньги и все. Скажите, случился форс-мажор, – предложила Мила безучастно.

– Да вы что! Я никогда не подводил своих клиентов! – в запале воскликнул Оливье, а потом уже спокойнее продолжил: – Ну и это такой человек... Слишком высокопоставленный. Он уже заявил в прессе, что у него на свадьбе будет «Заговор Высокомерных».

– Сделайте другой торт, но украсьте так же, – подсказала журналистка верный по ее мнению ход.

– Не выйдет. Он и его невеста пробовали оригинал. Они поймут, что вкус другой и их пытаются надуть. Напомню, что речь идет о больших деньгах и моей репутации. Что, если мой шедевр повторит кто-то другой? Это будет катастрофа!

Красавец-француз теперь выглядел поистине жалко. Его смолянистые локоны печально повисли вдоль лица.

– В полицию я не хочу обращаться по той же причине, – понизил голос он.

– Ну, хорошо. Когда пропал рецепт? – сдалась молодая

женщина.

– В день вашего первого прихода. Как раз незадолго до того, как вы появились.

– А кто еще был у вас в этот день?

– Пара клиентов, о которых я уже говорил, – принялся перечислять мужчина, загибая пальцы. – Поставщик продуктов, один хороший друг, которого я точно не подозреваю, и еще... женщина.

– Что за женщина?

– Моя женщина. Ну, любовница. Но ее я тоже не подозреваю, – поспешил заверить Оливье.

– Скажите, – вдруг, прямо посмотрев на него, спросила Мила. – У вас исчез только рецепт?

Ей не показалось – зеленые глаза француза забегали, выдавая его с головой.

– Да, только он, – подтвердил кондитер, но это прозвучало уже гораздо менее уверенно. – А почему вы спрашиваете?

– Просто не могу поверить, что кому-то действительно понадобился рецепт торта.

Кажется, он даже сжался под ее взглядом после этих слов.

Ксюша все думала о той страшной ночи. Как же она испугалась, когда няня вбежала к ней в спальню, сказала взять с собой любимую игрушку, а после, завернув девочку в свой

халат, вынесла на улицу! Вокруг оказалось много людей, все куда-то бежали, кричали, размахивали руками. Дурно пахло гарью, и было очень холодно. После этого Ксения ничего не помнила. Очнулась она в незнакомой комнате. Девочка тогда уже знала, что такое гостиницы. Как-то они с отцом путешествовали и останавливались в одной из них. Так что это была именно гостиница. Рядом с девочкой все время находилась какая-то женщина. Худая, со светло-русыми волосами и большими серыми глазами. Она называла себя мамой Ксении и говорила, что ее папа скоро придет. А он все не приходил. Потом дама принесла много красивых платяиц и шляпок для Ксюши, и объявила, что они едут к отцу. Теперь они ехали в поезде. Была ночь. Женщина спала. А Ксения отвернулась к стене и незаметно развернула сверток, который все время держала за пазухой, полюбовалась на украшение отца и снова его спрятала. Вместо любимой игрушки она взяла эту драгоценность. Она недавно появилось у отца, и он ею очень дорожил. Девочка взяла ее, чтобы рассмотреть поближе и полюбоваться, когда папа вышел из своего кабинета. Ксюша собиралась вернуть украшение, но тут началась суматоха, прибежала нянюшка. Так и получилось, что вместо игрушки Ксения прихватила с собой эту красивую вещицу. Отец будет очень рад, что она сберегла его украшение! Ведь в том беспорядке его просто могли украсть!

А женщина на самом деле не спала. Она тоже вспоминала. Вспоминала, как влюбилась. Алексей Волговский, красавец

и повеса, покорил ее с первого взгляда. А она покорила его. И впервые в жизни она стала чьей-то любовницей. Николетта Рейнхарт, молодая актриса художественного театра, слыла неприступной и гордой, а граф сделал все, чтобы она растаяла. Только он умел так нежно называть ее Никки. Только из его лепных уст ее несурзное имя звучало так изысканно и, вместе с тем, трогательно. Плодом их любви и стала Ксения. Отношения артистки и аристократа после рождения дочери охладели. Николетта хотела за Волговского замуж, а он не желал жениться на актрисе, небезосновательно считая, что такой брак назовут мезальянсом, и это сильно подмочит его репутацию.

Однажды граф увез крошку и с тех пор не позволял бывшей любовнице видеть дочь. Что она могла против столь знатного человека, героя отечественной войны, друга императора? Следовало смириться. Но Николетта, которую отец – немец, чьи предки перебрались в Россию еще во времена правления Екатерины II – назвал именно в честь царя Николая II, была не из тех, кто безвольно покоряется судьбе. Когда-то она поклялась себе, что вернет дочь. И сделала это.

В темноте за окном быстро приносились очертания очередного города. На стекло налипал мокрый снег. Дама неслышно потянулась к девочке и осторожно поправила теплую накидку, которой та была укрыта. Женщине казалось, что в вагоне зябко. Сев на место, она сложила тонкие руки на своей лисьей муфте и снова задумалась.

– О, Алекс, я теперь понимаю, что полюбила чудовище. Ты никогда не отдал бы мне дочь, – прошептала, едва слышно вздохнув, Nicoletta.

Глава III

Олег варил кофе, соблазнительный аромат которого окончательно рассеял утреннюю сонливость его супруги. Мила, еще облаченная в атласную пижаму, сидела тут же на кухне за ноутбуком и думала, что у нее не просто муж, а поистине подарок судьбы. Еще бы, Лалин уже успел отвезти сына в детский сад и теперь готовил завтрак. На работу оба могли не спешить, особенно Мила, которая вообще сегодня рассчитывала остаться дома и потрудиться удаленно.

Пока муж возился с кофеваркой, молодая женщина просматривала ответы на форуме, куда вчера выставила фото драгоценности из его сейфа. «Это одна из самых дорогих наград Российской империи – Бриллиантовый знак ордена Святого апостола Андрея Первозванного. Стоимость такого экземпляра доходит до пяти миллионов долларов! Однако желающие приобрести орден в свою коллекцию вряд ли смогут это сделать. Уж слишком коллекционеры ценят эту жемчужину» – говорилось в комментарии, оставленном неким Гошей.

Мила тут же вбила в поисковую строку полное название ордена. «Императорский орден Святого апостола Андрея Первозванного – первый по времени учреждения российский орден, высшая награда Российской империи до 1917

года. В 1998 году орден был восстановлен как высшая награда Российской Федерации. Знаки ордена Андрея Первозванного состояли из двух частей. Во-первых, это знак-крест, основным изображением которого был Святой Андрей Первозванный, распятый, по преданию, на кресте Х-образной конфигурации; на четырех концах креста буквы: S.A.P.R., что означает лат. Sanctus Andreus Patronus Russiae – святой Андрей покровитель России. Знак носился около бедра на широкой шелковой голубой ленте через правое плечо, из-за чего его обладателей также называли Cordon bleu. Второй частью ордена являлась серебряная восьмилучевая звезда с помещенным в ее центральном медальоне девизом ордена «За веру и верность». Звезда носилась на левой стороне груди выше всех остальных наград. В особо торжественных случаях знак ордена носился на груди на покрытой разноцветными эмалями золотой фигурной цепи. Орден Андрея Первозванного единственный из всех российских орденов имел цепь. Всего за время существования ордена его кавалерами стали, по разным источникам, от 900 до 1100 человек», – сообщала всезнающая Википедия.

«Выходит, в сейфе у Олега хранится часть этого ордена. Но откуда у Лалина могла оказаться такая дорогая и редкая вещь?» – размышляла журналистка.

– Ваш кофе, сударыня, – прозвучал над ее головой голос супруга.

В фартуке-фраке Лалин походил на гламурного офици-

анта. Сходства добавляла белая рубашка и строгие черные брюки, а также широкая улыбка во все тридцать два.

– Благодарю вас, – приснула Мила, едва сдерживая смех и все-таки успев свернуть вкладку с информацией об ордене.

– Что читаешь?

– Перечитываю свой материал про Шарлеруа.

– Про кондитера? – уточнил Олег.

– Да... – сосредоточенно протянула Мила.

Теперь она на самом деле пробежала глазами готовую статью, скользя пальцем по колесу мышки.

– И что, ты все-таки надумала заниматься поисками рецепта? – с ноткой насмешки в голосе поинтересовался Олег.

Журналистка фыркнула.

– Нет, конечно! За кого ты меня принимаешь? Буду создавать видимость того, что занимаюсь этим. Думаю, скоро кондитер сам отстанет. А знаешь, мне кажется, он что-то темнит. И вообще этот француз – настоящий извращенец.

– Почему?

– Он снимает свои встречи с любовницей на видео. Думаю, она об этом не знает.

– Вообще-то видеосъемка без согласия одного из участников тянет на статью, – заметил Олег. – Но ты-то почему в курсе?

– Вот что я обнаружила у него в телефоне.

Мила взяла со стола гаджет и включила запись.

– Ты что копалась в его мобильном? – пораженно уставил-

ся на нее Лалин.

– Мне же нужно было знать, как выглядит его любовница, – пожалала плечами журналистка. – А фотографий там не оказалось.

– Ну ты даешь... Еще не ясно, кто из вас извращенец.

С верхнего правого ракурса были сняты мужчина, в котором без труда можно было узнать Оливье де Шарлеруа, и полюбленная светловолосая женщина. Он лежал на диване, а она оседлала его бедра. Судя по беспорядку в его одежде, а также по тому, что кружевное нижнее белье и чулки остались на хозяйке, страсть нахлынула на этих двоих внезапным порывом. В какой-то момент блондинка откинула голову назад так, что стало видно ее лицо. Стоит отметить – очень красивое лицо! Да и тело у дамы было выше всяких похвал.

– Даша? – удивленно воскликнул Олег, после чего брезгливо поморщился и отвел глаза. – Выключи ты это.

– Что еще за Даша? Ты ее знаешь?

– Это Дарья Лисневская. Мы покупали тебе машину в ее автосалоне, помнишь?

Как же не помнить. Автомобиль был новогодним подарком Олега в первый год их совместной жизни. Мила как раз тогда была беременна сыном. И эту Дарью она прекрасно помнила, правда, в таком виде вряд ли бы узнала. Владелица автосалона запомнилась ей, как очень стильная и, без преувеличения, красивая молодая женщина, всего на пару лет старше нее самой.

– Жена моего клиента, – продолжал тем временем Лалин. – Мы с ней вместе учились в музыкальной школе.

– Ого! А что она за человек?

– Ну как сказать... Думаю, стащить рецепт она вполне могла бы. Только зачем? Разве что хотела подшутить над этим психом.

Было заметно, что Олег помрачнел. Эротическое видео с Дарьей Лисневской в главной роли являлось тому причиной или что-то другое? Ответа на этот вопрос Мила не знала.

– Она тоже пианистка? – поинтересовалась журналистка.

Дело в том, что ее супруг в юности, до того, как податься в силовые структуры, был очень успешным музыкантом и обладателем множества наград престижных музыкальных конкурсов. В сущности, музыка и стала причиной их знакомства – Мила, тогда еще студентка, брала интервью у молодого музыканта Олега Лалина.

– Нет, она пела. У нее чудесное сопрано.

– А кто ее муж?

– Один депутат.

– Мне надо с ней встретиться, – вдруг заявила Мила. – Может под предлогом покупки новой машины? Или интервью?

– Да ну. Зачем?

– Ты же говоришь, что она способна взять рецепт.

Олег скептически покачал головой и скрестил руки на груди.

– И что ты ей скажешь? Объявишь замужней женщине, что ты в курсе ее шашней с другим? Еще и видео предъявишь?

– Мда... Ты прав, – с неохотой согласилась Мила. – А ты вообще хорошо ее знаешь?

– Достаточно хорошо, – после короткой паузы произнес Лалин, и добавил: – Мы в юности встречались. Но ничего серьезного. Это были просто юношеские отношения.

– Да? У вас ничего не было? – уточнила молодая женщина.

Олег замялся и ответил не сразу.

– Ну... Было. Один раз.

Видя в глазах супруги нарастающее возмущение, все-таки решил уточнить:

– Мы как-то целовались у нее дома, и она предложила по-пробовать... Короче, мы, как бы, друг у друга были первыми.

Говорить такое жене как раз не следовало. Но это Лалин понял, когда уже было поздно.

– Ничего себе, Олег! И ты считаешь, что это «ничего серьезного»? – взорвалась Мила.

Она подскочила с места и бросилась судорожно мыть чашку из-под кофе, словно сейчас это было жуть каким важным делом.

– Господи, зачем я тебе вообще это рассказал, – вздохнул Лалин и закатил глаза. – Нам тогда было по семнадцать лет.

– Какая разница? Может для тебя это и ничего серьезного!

А для женщин такие вещи очень важны! Почему ты раньше мне этого не говорил?

Мила сама себя не узнавала. Вообще-то она редко ревновала мужа, поскольку была в нем уверена на все сто процентов. Но мысль о том, что Олег общается с этой, – журналистка даже слов не находила, как ее теперь назвать, – затуманивала разум бешеной яростью.

Маленькую Ксюшу Волговскую судьба в лице театральной актрисы Николетты Рейнхарт увозила все дальше от родины. После путешествия на поезде, казавшегося девочке бесконечно долгим, они остановились в большом доме. Женщина, называвшая себя ее матерью, ничего Ксении не объясняла, а сама девочка спрашивать стеснялась. Да и устала с дороги очень. Поэтому с аппетитом поела принесенных ей прямо в спальню свежеиспеченных булочек и выпила теплого молока.

Этот дом ей нравился. Он был почти таким же большим, как их с отцом усадьба. Так приятно было ступать босыми ножками по гладкому деревянному полу! И вообще здесь ароматно пахло деревом и выпечкой! Когда они только вошли, Ксения увидела в гостиной большой камин, в котором трещали дрова. Сейчас девочка подбежала к окну и привстала на носочки, чтобы лучше видеть все, что происходит снаружи. Снег валил, укрывая белой шубой двор и деревья. От

восторга перехватило дыхание так, что выдох застыл в горле. Ксюша не смела пошевелиться. Когда слышались шаги, девочка стремительно юркнула под одеяло и притворилась спящей. Дверь отворилась, и Ксения услышала голос пожилой хозяйки дома. Та, когда представлялась, просила называть ее пани Зося. Какое же странное имя! Хотя у ее так называемой матушки тоже имя удивительное...

– Спать, – прошептала пани Зося. – І вы лягайте. Чи ще чогось бажаєте? Може вам водиці принести²?

– Нет, спасибо, – последовал тихий ответ.

– Ох, яка ж у вас дитинка гарненька! Ви і самі красиві, немов лялечка, а дівчинка – ну янголятко, і все тут!³

Когда двери снова прикрыли, Ксения высунула свою белокурую головку. И все-таки очень необычные здесь были люди! Говорили непонятно. Вроде бы и на русском, но не так, как положено.

Ксения, конечно же, не могла знать, что они теперь в Украине. Роскошный барский дом под Киевом, в котором они остановились, когда-то принадлежал одному екатерининскому соратнику, политическому деятелю давно минувших времен. Его фамилию Николетта не разобрала, ибо украинский понимала плохо. Какая-то то ли польская, то ли

² – Спит. И вы ложитесь. Или еще чего-нибудь желаете? Может вам воды принести? (укр.)

³ – Ох, какой же у вас ребеночек хорошенький! Вы и сами красивы, словно куколка, а девочка – ну ангелок, и все тут! (укр.)

литовская... Дом был отделан в вычурном, даже несколько помпезном стиле. Такие поместья в Малороссии редко встретишь. Многие из них если и существовали, то быстро растворились во времени или были уничтожены. Очевидно, первый владелец этой усадьбы очень любил роскошь, потому и отстроил для себя практически дворец. Дом с оранжереями и парком мог потягаться в красоте с некоторыми императорскими резиденциями. Кто теперь здесь хозяйничал, что за пани Зося, которая почему-то имела право сдавать комнаты в бывшей барской усадьбе... Николетта, будучи женщиной достаточно осторожной и предусмотрительной, предпочла не расспрашивать о таких вещах. Извозчик, нанятый на вокзале, пообещал, что здесь им с дочерью будет тепло и уютно, а плату за комнаты возьмут не большую, поэтому она и поехала. Должно быть, респектабельный вид молодой дамы, путешествующей с девочкой, вызывал у окружающих уважение и мысль, что она благородных кровей. Сейчас из объятых беспорядками империи многие дворяне подались за границу. Вот и ее принимали за таковую. А то, что без служанки... Так челядь у большинства аристократов разбежалась или была отпущена за неимением средств оплачивать труд слуг.

Убедившись, что дочь заснула, Николетта попрощалась с хозяйкой и вошла в свою комнату. Накинув на плечи шаль, актриса села у стола, на котором печально дрожала единственная свеча. Она размышляла, как быть дальше. Ехать

через Польшу в Европу? Но удастся ли? Одной, совсем без поддержки, ей было очень страшно. При дочери держалась, убеждала ее, а заодно и себя, что все будет хорошо. Однако все меньше сама в это верила. Кажется, эта хрупкая двадцатипятилетняя женщина осталась один на один с целым миром. Жестоким и враждебным миром.

Рано утром, когда Николетта, держа за ручку девочку, спускалась по широким каменным ступеням особняка, выложенным в форме полукруга, пани Зося плелась позади и неустанно сокрушалась. Пожилая женщина сама вызвалась помочь с багажом. А расстраивало хозяйку то, что ее гости так быстро покидают дом.

– І не боїтесь ви самі їхати? Зараз лихі часи! Вчора поїзд пограбували та людей порізали⁴, – бормотала себе под нос украинка.

Николетта с трудом понимала, что та говорит. И думала о своем. А стоило прислушаться. Ночью актриса проснулась от того, что поезд с визгом затормозил. Такого скрежета она, наверное, не слышала еще ни разу в жизни. Проснулась и напуганная Ксюша. Вообще все пассажиры, которых было не так уж много, всполошились. Кое-как приведя в порядок волосы и накинув шаль, Николетта пододвинула поближе сумки с вещами и выглянула в проход, пытаясь понять, что случилось. Но не увидела ничего кроме нескольких таких же

⁴ – И не бойтесь вы сами ехать? Сейчас лихие времена! Вчера поезд ограбили и людей порезали. (укр.)

сонных взъерошенных голов. Люди перешептывались, звучали версии об аварии, но, естественно, никто понятия не имел, что произошло.

Наконец двери вагона раздвинулись, впуская внутрь морозный воздух и нескольких мужчин в черных бушлатах. Грохоча по полу тяжелыми сапогами, они шли по проходу и бросали суровые взгляды то на одного, то на другого пассажира. Впереди, должно быть, двигался главный – невысокий мужчина примерно лет сорока. Его и без того грубые черты еще более уродовал страшный шрам на щеке. После его тихих распоряжений некоторых людей, ехавших в поезде, выводили наружу. Когда незнакомец со шрамом остановился возле Николетты, она инстинктивно стянула на груди теплую накидку и незаметно сжала в ладони руку дочери. Девочка смотрела на страшного человека, широко раскрыв напуганные глазенки.

– Ваше имя.

Николетта, поняв, что обращаются к ней, назвала себя.

– Это дочь? – так же сурово осведомился он.

– Да.

– А где муж?

Видя замешательство на лице молодой женщины, человек со шрамом ухмыльнулся.

– Возьмите вещи и выходите из вагона.

– Но зачем? Кто вы и по какому праву...

– Слышала, что сказали? – оскалился на нее стоявший

позади остальных парней, у которого отсутствовал передний зуб. – Выполняй!

Впрочем, несмотря на грубость и развязный тон, которым с ней говорили, никто не причинил ей никакого вреда. Командир этих, судя по всему, восставших рабочих, к которому посреди ночи привели Николетту с девочкой, расположился в тускло освещенном кабинете в здании железнодорожной станции. Он не назвал ни какой-либо должности или звания, лишь представился Александром Гавриловичем Григорьевым и посмотрел на актрису заинтересованно. Такой взгляд был давно для нее привычным, еще с юности. Конечно, она знала, что красива. Не просто милая или хорошенькая, а именно ослепительно красивая женщина. Поэтому внимание мужчин было для нее делом обычным и несколько не льстило.

Ксюша, всегда отстраненная и недоверчивая, теперь жалась к юбке матери. Мужчина, выглядевший лет на тридцать пять, не больше, весело подмигнул девочке, но та на его дружескую улыбку не ответила.

Глядя на происходящее, актриса никак не могла понять, в чьи руки попала. За кого эти люди? Сами они ничего не объясняли. А ведь в городах Украины уже тоже было неспокойно. Рабочие еще не выходили на митинги в поддержку петроградских событий, не поднимались против законной власти, но казалось, нужен всего лишь незначительный толчок, чтобы грянули бунты. За привычной размеренной жизнью

Киева уже слышно было дыхание революции, еще слабое, но с каждым днем набирающее силу.

– Давайте так, Nicoлетта Федоровна, – произнес командир, вновь смерив ее своими ясными очами. – Вы и ваша дочь останетесь здесь до завтра. Мы отвезем вас, куда пожелаете. А пока вы поужинаете со мной и расскажете, что заставило вас отправиться в это небезопасное путешествие.

Nicoлетта внутренне напряглась. Остаться здесь? Поужинать? Этот... решил, что если она актриса, значит доступна? Молодая женщина ничего не ответила. Выбора у нее, по большому счету, все равно не было – за дверью и по всему зданию маячили его люди.

Глава

IV

– Милка, слышала, кто, скорее всего, будет нашим новым редактором? – вдруг ни с того ни с сего поинтересовался спортивный обозреватель Илья. И сам же ответил на свой вопрос: – Доронин.

– Кто-кто? – рассеяно переспросила журналистка, все внимание которой было сконцентрировано на работе.

– Кирилл Доронин.

Мила подняла голову и теперь пораженно смотрела на коллегу.

– Тогда я точно уволюсь. На последнем курсе университета я участвовала в одном журналистском конкурсе. Он был

в жюри и раскритиковал мою работу в пух и прах. Сказал, что в ней нет ни логики, ни смысла. И язык у меня бедный, и тема не актуальная. Просто смешал с грязью. Ненавижу его. Я тогда на полном серьезе собиралась все бросить и стать мастером маникюра. Мне только поддержка Олега помогла не впасть в депрессию.

Илья сочувственно поглядел на молодую женщину.

– Главное, что не бросила. А такое со всеми бывает. Что за тема-то хоть была?

– Проблема бездомных собак и ее решение – отстрел или стерилизация.

– Ну для начинающего журналиста вполне себе нормальная. Актуально. Мой брат на днях жаловался, что из школы ходить мимо гаражей боится – местные собаки на него кидаются.

– Доронин с актуальностью данной проблемы был не согласен. Вот если б я про какую-нибудь звезду написала скандальную статейку...

– Уверяю тебя, – Илья хмыкнул, – ему бы это точно не понравилось. Нормальный он мужик.

– Мужик? – брови Милы взметнулись вверх. – Я была уверена, что ему лет шестьдесят. Его самого я никогда не видела, только комментариев к моей статье читала.

– Да не, ему еще и сорока нет.

То, чего так опасалась Мила, к великому ее разочарованию, таки свершилось. После обеда всех членов редакции

собрал у себя учредитель и сообщил, что новым главным редактором их издания будет Кирилл Вадимович Доронин.

Тот начал свой первый рабочий день с планерки, на которой так удобно увидеть весь коллектив и, главное, оценить его работу.

– Поближе познакомимся мы с вами вечером, – объявил редактор. – Приглашаю всех на небольшой фуршет. А пока поработаем.

Мила украдкой рассматривала нового руководителя. Среднего роста, шатен с зелеными глазами, одет в темные джинсы и светлую рубашку. В общем-то, ничего примечательного. Хотя, кто-то ей однажды говорил, что зеленый цвет глаз довольно редок. Вроде бы даже статистика есть о том, что зеленоглазых на планете меньшинство. Ну, разве что это выделяло Кирилла Доронина из толпы. Его фигуру и черты лица нельзя было назвать ни красивыми, ни отталкивающими. Хотя бы пивного живота, – очень распространеного нынче явления у молодых мужчин, – у него не наблюдалось. Явно занимался спортом. И еще приятно пах хорошей туалетной водой. Так и быть, это тоже Мила отнесла к его плюсам. Выходило только два – цвет глаз и приятный аромат. Было бы отлично, если бы бонусом к этому шел еще и профессионализм. Однако, пока о том, насколько хорош их новый главред, как специалист, можно было только догадываться.

Мила уже предвкушала, как молоденькие девчонки-кор-

респонденты и дамы из отдела корректуры будут перебивать косточки редактору после возвращения с планерки. Наверняка каждая из них уже просканировала Доронина на предмет мужской привлекательности. Главным пунктом, волнующим всех без исключения представительниц прекрасного пола, было наличие или отсутствие обручального кольца. Сама Мила никогда не обращала на это внимания, потому что когда начинала журналистскую карьеру, все ее мысли уже занимал Олег. К слову, у Доронина кольца не было.

Мужчина совершенно не ощущал на себе колючий взгляд с другого конца большого стола для переговоров. Раскинувшись в кожаном кресле и просматривая полосы, Доронин остановил взгляд на интервью с Оливье де Шарлеруа, потом опустил глаза в конец статьи, туда, где стояла подпись автора.

– Хм... «Его Величество Торт»... Литвинова, – Кирилл нахмурился, будто что-то вспоминал. – Знакомая фамилия. А, вы писали про собак. Ну что ж, эта статья уже получше.

Он поднял голову

– Литвинова это кто?

– Это я, – ответила Мила, едва сдерживая клокотавшую внутри обиду и обещая себе завтра же уволиться.

– Милана, если не ошибаюсь?

– Меланья... Романовна, – поправила журналистка.

Ее неприятно царапнул быстрый оценивающий взгляд. После чего Кирилл снова склонился над полосой. Мила тоже опустила глаза, уставившись в свой блокнот. А когда под-

няла голову, обнаружила, что ее снова, но теперь уже внимательно рассматривают. Встретившись с ней глазами, Доронин поспешил тотчас вернуться к газете и больше никого из коллектива не трогал до самого конца планерки.

– Не женат и ездит на Ауди, – Мила услышала, как это шепнула подругам девушка из корректуры по имени Светлана. – Возьму его в оборот.

Оказывается, люди в восторге. Молодая женщина с досадой наблюдала за стайкой весело гомонящих коллег, спускавшихся по лестнице.

Остаться на фуршет Мила, по понятным причинам, не стала. К Олегу на работу она практически бежала. Теперь пожалела, что не взяла машину. Она вообще побаивалась ездить за рулем, хоть и давно водила. А сейчас хотелось скорее оказаться в любимых объятиях и забыть обо всех бедах. Олег обязательно найдет нужные слова, чтобы ее утешить. Он всегда ее поддерживал, всегда был на ее стороне.

Стремясь как можно быстрее увидеть мужа, Мила даже не поздоровалась с его секретаршей, так и застывшей у стола с чашкой кофе в руке. Пронеслась к двери, резко рванула и замерла на пороге. На коленях у Олега сидела эта женщина, как ее... Дарья Лисневская. И они целовались.

Миле сложно было понять, что это – настоящая физическая боль или ей только кажется, что больно? Просто где-то в груди... или в животе? И еще в голове... стало невыносимо больно и пусто. Словно разом все изнутри вырвали.

Наверное, со стороны это было видно. Потому что Катя при взгляде на Милу что называется обмерла. Несколько секунд журналистка безучастно смотрела, как стремительно сменяются эмоции на лице ее супруга. Удивление, растерянность, шок. Потом молодая женщина перевела невидящий взгляд на застывшую поодаль секретаршу, рассеяно нащупала ручку, нажала и вышла из приемной.

Олег подскочил и бросился за женой. Мила направилась к лифту. Ждать не пришлось, двери цвета белого металла сразу разъехались, пропуская ее. Выскочивший в коридор мужчина услышал лишь звук опускавшегося лифта. Лалину пришлось мчаться вниз по лестнице. Господи, какой же длинной она оказалась! Даже если перепрыгивать сразу через несколько ступенек. Выбежав на улицу, он лишь увидел, как Мила садилась в такси. Сам бросился к машине, пошарил в карманах брюк, стоя на ветру в одной рубашке. По щекам бил колкий снег. Ключи и права остались в кабинете, в пиджаке.

Закрытое серое платье, неизменная шаль на плечах, пышные светло русые волосы тщательно уложены в простую строгую прическу. Единственным украшением была брошь на платье у горла, так и сверкавшая в свете свечей. Актриса не хотела, чтобы в ее внешности проскальзывала хоть толика кокетства. Чего бы не потребовал от нее этот человек,

он должен понимать, что по доброй воле она ни на что не согласится.

– Итак, Николетта Федоровна, что же привело вас в этот город? Вы ведь из Петрограда, так?

Командир взбунтовавшихся рабочих (или кто он там был) окинул ее полунасмешливым, полу удивленным взглядом. Должно быть, ее нарочитая строгость его позабавила. Сам же мужчина тоже не счел нужным прихорашиваться к ужину. Он был в той же одежде, в которой актриса уже видела его сегодня. Александр без преувеличения был очень хорош собой но, судя по всему, не придавал этому значения и уделял своей внешности слишком мало внимания.

Стол для них был накрыт в каком-то подобии обеденной. Интересно, кто те люди, что ему прислуживают? Николетта не видела ни кухарки, ни хотя бы одного слуги.

– Поздно же вы ужинаете, Александр Гаврилович, – вместо ответа заметила она. – Уже ведь глубокая ночь.

– Работы много, знаете ли. Не успеваю поесть вовремя.

Ужин не отличался особым богатством. На чайном подносе стояли молочник, чайник и чашки. В вазочке лежало печенье и немного конфет. А основным блюдом был суп.

– Приходится экономить, – пояснил Александр, заметив взгляд, которым она окинула стол. – Но если вы голодны, попрошу поискать на кухне еще чего-нибудь съестного.

– Нет-нет, не надо, – поспешила заверить его Николетта.

Ей показалось, что в своей грубо скроенной одежде и са-

погах он испытывал неловкость рядом с ней. Конечно, заметил раньше ее муфту, шляпку и дорогое пальто от Поля Пуаре. Вряд ли какой-то мужлан мог знать, что созданы эти вещи знаменитым парижским модельером, но то, что очень дорогие, можно было понять, даже не разбираясь в моде.

Взгляд актрисы упал на лежавшую в стороне газету. Должно быть, Григорьев ее недавно читал. На первой полосе шла речь о том, что некоторые семьи покинули город. Александр заметил направление ее взгляда и проговорил:

– В свете последних событий в Петрограде все словно сбесились. Ринулись за границу, вместо того, чтобы защищать свою родину. Не принимайте на свой счет.

Николетта пожала плечами.

– Видимо, люди считают, что там, куда они едут, им будет лучше.

– Вы отважная женщина, если не боитесь вот так путешествовать одна с ребенком.

– Я вынуждена это делать.

– И все-таки вы какая-то удивительная, – чуть прищурившись, поглядел на нее мужчина.

– Почему? Что вас удивляет во мне? То, что я артистка? Может быть, вы ожидали увидеть жеманную особу в буклях и с папироской?

Он засмеялся, наверное, представив ее в таком виде. К слову, Николетта, несмотря на свою красоту, никогда не была вертихвосткой. Сейчас она в очередной раз подумала о

дочери. Ксения заснула на диване в кабинете Григорьева. Актриса переживала, что девочка проснется одна в комнате и испугается. Да и мысли о том, что ждет ее сама, не позволяли расслабиться. Николетта мысленно молила Господа Бога о помощи. Выйти из этой передряги живой и невредимой было сейчас самым главным. «Помоги хоть раз, о Боже», – думала молодая женщина. И так в жизни все шло наперекосяк. Наверное, это было расплатой за ее грехи.

– Не люблю ходить вокруг да около. Хотел сделать вам одно предложение, – неожиданно, словно, наконец, решившись, проговорил Александр.

Он замолчал. Николетта почувствовала легкий холодок, разлившийся под ребрами.

– Какое же? – натянуто спросила она.

– Знаете роман моего тезки Александра Дюма «Три мушкетера»? Там есть прелестная героиня миледи Винтер.

– И что?

– Она шпионка...

– Насколько я помню, она плохо кончила. Надеюсь, вы не собираетесь предложить мне шпионить за кем-нибудь? Я бы не хотела повторить судьбу этой героини.

– А у вас и не выйдет, – заметил Григорьев. – Конечно, если у вас в прошлом нет заносчивого мужа-графа, которому вы порядком насолили.

Николетта поджала губы и, после недолгой паузы, ответила:

– Мужа-графа у меня нет, и уверена, что никогда не будет. Александр скупно усмехнулся, после чего произнес:

– Так что? Согласны?

Актриса смерила собеседника негодующим взглядом. Быть может, он принял ее за безнравственную женщину, если посмел предложить такое?

– По-вашему я какая-нибудь роковая кокетка, способная легко согласиться на это? Послушайте, сами-то вы кто?

– Хотите знать, на чьей я стороне?

– Да, конкретно вы.

Он внимательно посмотрел ей в глаза. Очи у него были очень красивые, синие. В сочетании с темными волосами выглядело невероятно. Но Николетте сейчас было не до того, чтобы любоваться внешностью случайного знакомого.

– А вы – женщина умная...

– Поэтому и хочу знать, за кого вы. Вы, а не ваши люди, – уточнила она.

Такое породистое лицо и глубокий взгляд редко встретишь даже у представителей знати. Кто же он такой? Совсем не похож на спесивого гордеца графа Волговского. Что-то в манере поведения этого человека настораживало Николетту. Он словно не предводитель бунтарей, а аристократ до мозга костей.

– Ладно, давайте лучше есть, – хмуро бросил Григорьев.

Значит, откровенничать с ней он не собирался. К счастью, других недостойных предложений не поступало. Покончив с

трапезой и собираясь встать из-за стола, молодая женщина нерешительно произнесла:

– По поводу вашего предложения о шпионаже...

– Забудьте, – решительно отрезал Григорьев, и Николетта не стала продолжать. Хоть и любопытно было, что же он имел в виду.

Актриса поправила свою накидку, сухо пожелала ему доброй ночи и направилась к двери. Она не заметила того долгого взгляда, которым он ее проводил, поскольку вышла не оглянувшись.

Глава

V

Мила не помнила, как попала домой, как собирала вещи и вызывала такси. Взяла самое необходимое, остальное можно будет вывезти позже. За руль в таком состоянии садиться не рискнула. Сознание отгораживалось от ужасных мыслей и увиденной картины. Нужно было держать себя в руках. У нее ребенок, она не имеет права расклеиваться.

У Милы было только одно место, куда она могла теперь пойти – комната в общежитии, полученная после выпуска из детского дома. Она не была в ней уже много лет, да и не жила там никогда, по сути. А теперь придется обустраиваться.

О том, что воспитывалась в детском доме, Мила старалась не распространяться. Стыдно. Говорила, что мать умерла, а остальное окружающим знать не обязательно. Олегу, конеч-

но, все известно. И о том, что мать-цыганка зарезана в пьяной драке, и о том, как маленькую Милу нашли в холодном, нетопленном жилище лишь на второй день и отвезли в детский дом, и о том, что отца своего она никогда не знала. Муж создал для нее совершенно иную жизнь. Нормальную, полноценную. С домашними праздниками, простыми радостями, уютом. И вот ее мир, как хрупкий замок из хрусталя, который только что был прекрасен и идеален, а в следующее мгновение со звоном разбился вдребезги.

Ваня, когда забрала его из детского сада, то и дело спрашивал, где папа и почему они не поехали домой. Молодая женщина, кажется, почти весело отвечала ему, что они играют в прятки. Сейчас они спрятались, а папа их ищет. Кажется, что весело... Но когда Мила взглянула в зеркало, то сама испугалась своего вида. Лицо ее застыло, будто маска, а глаза, и так большие от природы, стали огромными. И черными, как ночь.

Постоянно звонил Олег и еще какой-то незнакомый номер. Она отключила телефон. Разговаривать с кем-либо сейчас было выше ее сил. Конечно, с мужем поговорить придется. Этого не избежать. Да и с ребенком она ему видаться не запретит. Но это все позже...

К вечеру Мила почувствовала дурноту. Видимо, сказывалось эмоциональное потрясение. Она думала, что не сможет заснуть, но все же незаметно для себя уснула. Ей снилась Дарья Лисневская. Разлучница мило улыбалась и кокетли-

во посмеивалась. Еще тогда, когда впервые увидела ее, Мила подумала, какая же это неприятная лицемерная особа. А Олег... От мужа она не могла ожидать такой жестокости, такого неожиданного удара в спину. Предатель! Уйти без выяснения отношений было лучшим решением.

Теперь, сидя на грязной общажной кухне с облупившейся зеленой краской на стенах, рассказывала обо всем случившемся подруге Татьяне. И казалось, что все это произошло вовсе не с ней и Олегом, а персонажами дешевой мелодрамы.

– Наверное, смеялся надо мной вместе со своей Дарьей, – горько произнесла Мила даже не пытаясь скрыть свою боль. – А я действительно наивная дура. Уверена, что он меня такой всегда считал. Конечно, облагодетельствовал сироту! Она же должна быть счастлива, что ей позволено носить золото и меха, поэтому пусть терпит.

– Ну что ты, – Таня положила ей ладонь на запястье. – Олег не мог так о тебе думать. Не такой он человек.

– Своей изменой он позволил так думать ей! Позволил насмеяться надо мной и не уважать меня. Никогда этого не прощу!

– А была ли измена? Ты видела только поцелуй.

– Разве этого мало? Он сам говорил, что когда-то давно спал с ней.

– Так это когда было, – Татьяна скептически хмыкнула.

– Может старая любовь не заржавела. Говорят, мужчина никогда не забывает ту, у которой он был первый.

– Чепуха. Кто-то не забывает, а для кого-то это совершенно не важно.

– Хватит о них. Надо думать, как мне теперь жить...

Однако Татьяна была настолько скандализирована случившимся, что не переставала повторять, какая эта Лисневская вульгарная и ужасная женщина. Должно быть, желала таким образом поддержать подругу, вынужденную теперь жить с сыном в далеко не лучших условиях.

Существование – другим словом это не назвать – в семейном общежитии разительно отличалось от беззаботной жизни в квартире, отделанной и обставленной согласно последним модным тенденциям. Здесь же царил дух прошлого. С советских времен в общежитии ничего не менялось. Лишь поизносилось, облупилось, проржавело. Тут даже имелся Красный уголок со сценой и расстроенным пианино, которым давно никто не пользовался. Ваня уже успел обзавестись другом – соседкой бабой Раей, которая, узнав о появлении новых жильцов с ребенком, притащила советский трехколесный велосипед «Гном», извлеченный из груды хлама на балконе. Благо, широкий темный коридор позволял на нем кататься. На кухне даже пахло как-то по-советски – жареной картошкой с луком. Наверное, мало кто знает, что такие общежития до сих пор существуют. Как и коммунальные квартиры.

Комната самой Милы выглядела не менее удручающе. Почти пустая, лишь кровать, тумбочка, узкий старый шкаф и

стол с одним стулом. Хотя привезенные с собой игрушки Ванечки вселяли в это помещение немного жизни и добавляли красок.

Чуть придя в себя, Мила принялась размышлять над тем, что же делать дальше. Ясно, что увольнение откладывалось на неопределенный срок, ведь эта работа отныне будет ее основным источником дохода. Молодая женщина прикинула, сколько денег понадобится на детский сад, продукты, обслуживание машины, и невольно поискала глазами визитку Оливье де Шарлеруа. Помнится, он предлагал вознаграждение за помощь в поиске похитителя рецепта. Ей теперь это вознаграждение не помешает. Журналистка взяла валявшийся на столе прямоугольник черного ламинированного картона, на котором барственной вязью были выведены имя и контактные данные кондитера, словно тот был потомственным пэром Франции.

– Алло, добрый день, Оливье, это Мила Литвинова.

– Здравствуйте, я узнал вас, – прозвучал в ответ приятный низкий голос.

– Помните, вы говорили, что за помощь в поиске похитителя вашего рецепта готовы щедро отблагодарить?

– Да-да, конечно!

– Так вот, я согласна.

Чтобы не думать о той беде, что обрушилась на нее так внезапно, Мила решила с головой уйти в работу. Увы, уволиться она теперь не имеет права. Ей необходимо кормить

Ванечку. Значит, придется терпеть замечания этого мерзкого Доронина. Хотя надо отдать ему должное – новый редактор больше не придирался. По крайней мере, пока.

На следующий день, забирая сына из садика, Мила вышла из ворот и настороженно осмотрелась. Лалина не было. Хотя она думала, что он будет поджидать ее здесь. Вместо Олега журналистка увидела выходящую из белого джипа молодую женщину в длинном черном пальто и на шпильках. Голову ее покрывал стильный платок из тонкой шерсти. Мила сразу обратила внимание на выбивавшиеся из-под него платиновые прядки, обрамлявшие сердечко лица. Капризно-пухлые губки, темные брови в дерзкий разлет, светлые надменные глаза, остро сверкавшие, как и золото ее сережек. Это была Дарья Лисневская собственной персоной. При виде этой женщины журналистка еще острее ощутила, как плачевно отныне ее положение.

– Мила, здравствуйте, – позвала та, довольно ловко переступая на своих шпильках по льду. – Вы должны меня помнить...

«Еще бы», – подумала молодая женщина и прошла мимо блондинки, не оборачиваясь.

– Да постойте вы! Нам нужно поговорить. Вы все не так поняли. Это я виновата.

Мила невольно ускорила шаг, крепче сжав ручку маленького сына.

– Ну, выслушай ты меня, – взвилась Дарья. – Я все объ-

ясню.

Надо же, такая заносчивая особа бежит за ней с унижительной покорностью, будто бездомная собачонка. Что это нашло на мадам Лисневскую? Журналистка пренебрежительно фыркнула. Голос за спиной затих. Все же обернувшись, Мила увидела, что Дарья больше не идет за ней, а просто стоит и смотрит ей вслед. Точеные скулы разругались то ли от волнения, то ли от мороза. Лисневская покусывала нижнюю губу и натягивала на руку перчатку.

Молодая женщина тоже остановилась и вдруг спросила:

– Это вы похитили рецепт торта у Оливье де Шарлеруа?

Даша посмотрела на нее как на сумасшедшую.

– Ты что, бредишь? Какой еще рецепт? Что за чепуха? – нахмурила она свои идеальные пудровые бровки.

– Признайтесь, ведь это вы!

– Ты, видимо, и правда ненормальная, – констатировала владелица автосалона. – Ты вообще не слышала, о чем я тебе говорила? И откуда ты знаешь Андрея?

Теперь пришла очередь Милы принять соперницу за безумную.

– Какого еще Андрея?

Та засмеялась. Так заливисто, звонко, что даже какой-то прохожий обернулся. Также звонко, как в ее сне...

– Так ты совсем не в курсе? Никакой этот кондитер не Оливье, – насмешливо бросила Лисневская.

Какая-то безысходность, отчаяние, неверие в то, что страну все же удастся спасти, толкнули его на разговор с этой незнакомкой. Кто она на самом деле? Может она и есть шпионка? Какая-то странная история связана с ее дочерью. Куда она везет ребенка? Разве поедет добропорядочная женщина вот так, совсем одна, на свой страх и риск, за границу? Обо всем этом думал Григорьев, растянувшись на кушетке и положив под голову руку. В маленькой комнатушке, являвшейся чем-то вроде кладовки, было довольно холодно. По стеклу небольшого грязного окошка хлестал мокрый снег. Небо едва заметно начало сереть. Значит уже утро, а он так и не сомкнул глаз.

Моментами Григорьеву казалось, что Россия обречена. Какое-то смутное предчувствие говорило об этом. Он ругал себя за то, что в это ввязался. В минуты душевной слабости даже хотелось бросить все и мотнуть за границу. Или напиться. Теперь ведь все только и делают, что пьют. Или бегут прочь от еще неведомой, но уже чернеющей как грозовая туча на горизонте, беды.

Николетта тоже не спала, хотя на диване в кабинете Григорьева было вполне удобно. Она прижимала к себе спящую дочь и думала о командире рабочих. Что заставило этого человека поддержать всеобщее восстание? Эти его слова о защите государства, осуждение в адрес покидающих страну...

Неужто он действительно один из тех, чья цель – свергнуть законную власть? На заводского рабочего Григорьев совсем не похож. Да и являются ли эти люди рабочими? Судя по тому, что довелось наблюдать актрисе после того, как их с дочерью сняли с поезда, никакого особого порядка у этой горстки бандитов не имелось. По разговорам толком было не понять, на каком предприятии они трудились, и что подвигло их на забастовку. Да и вообще они скорее походили на разбойничью банду сродни тем, что орудуют на ночных дорогах, чем на честный трудовой люд. Особенно этот, со шрамом, что приказал привести ее сюда, и подпевавший ему нескладный долговязый парень. Останавливать поезда среди ночи и похищать пассажиров пульманов было чистейшим беспределом, на который могли решиться не многие. Тут нужно иметь просто таки вопиющую наглость.

Николетта с досадой вздохнула. События последних месяцев выдались одно нелепее другого. Это сбивало с толку и выводило из себя. Подумать только – целая череда невезений! Единственным светлым моментом во всем этом было то, что дочь теперь с ней.

Уехать на следующий день не удалось. Ксюша серьезно заболела.

Глава

VI

Вместо того чтобы думать, кто же мог похитить этот зло-

счастный рецепт, Мила читала все, что могла найти об ордене Святого апостола Андрея Первозванного. Почему ее так увлекла эта награда – сама толком не могла ответить на данный вопрос. Но интуиция подсказывала, что это важно. В свободное время на работе журналистка изучала список всех, кто в разные годы и за различные заслуги удостоивался упомянутого ордена. Оказалось, что он существует и в наши дни, только выглядит несколько иначе. Тот орденский знак, что хранится в сейфе Олега, судя по оформлению, относится к началу прошлого века. Поэтому следовало выписать отдельно фамилии всех, кто был им награжден в тот период.

Постоянно звонил Лалин. Мила уже сбилась со счета, сколько непринятых вызовов от мужа накопилось в ее телефоне. На почту пришло несколько писем от него, а в соцсети – пара сообщений. Мила не читала. Сперва ей нужно было свикнуться с мыслью, что они с мужем теперь не вместе. Но мозг упорно отказывался об этом думать и переключался на что угодно. В данном случае на орден.

После окончания рабочего дня, когда молодая женщина на ходу поправляя шарф, спешила по коридору к лестнице, ее догнал Кирилл Доронин.

– Ты домой? Могу подвезти, – предложил он.

Удивительный человек. За те несколько дней, что она уже работает под его началом, почти не обращал на нее внимания, а тут... «Видимо, что-то случилось», – как любит говорить Олег. Или скорее тут уместна знаменитая фраза Вин-

ни-Пуха: «Это жжж неспроста».

– Спасибо, не надо, – Мила продолжала расправлять шарф, не глядя на редактора.

– До сих пор обижаешься за тот конкурс? – усмехнулся он.

– Нет.

– Тогда почему отказываешься? Мы могли бы подружиться.

– Это вряд ли, – закатила глаза она.

– Почему? – повторил он.

– Мы не можем быть друзьями, – по мнению Милы этот ответ прозвучал достаточно категорично.

– Думаешь, мужчина и женщина не могут дружить?

– Мужчина и женщина могут. А мы с тобой нет.

– Ты что, решила, я к тебе приставать буду? Серьезно? – он засмеялся, а потом добавил: – У меня есть любимая женщина, так что не волнуйся, ты меня не интересуешь.

– Чего ж ты на меня так пялился во время планерки?

– Так я тебя узнал. Ты ведь жена Олега Лалина? Я просто имени твоего не помнил. Мы виделись на чьем-то дне рождения.

– Да? – брови Милы взмыли вверх. – А я тебя не узнала.

Откуда ты знаешь моего мужа?

– Мой отец давно является клиентом его охранного холдинга.

Они как раз вышли на улицу. Снова что-то моросило – ни то мокрый снег, ни то дождь. Мила уныло поглядела на

свои замшевые сапожки, которые такая погода однозначно скоро погубит. Нужно скорее забирать из квартиры Олега остальную обувь.

Тут произошел неожиданный инцидент. Когда молодая женщина подняла глаза, то увидела стоявшую у джипа Дарью Лисневскую. Та, очевидно, не оставила своих попыток что-то там ей объяснить. Вон даже адрес редакции разузнала. Все-таки очень настырная особа.

Мила уже открыла рот, но вдруг обнаружила, что Лисневская глядит мимо нее как-то удивленно и до крайности возмущенно. Кирилл, которому сей взгляд, оказалось, и был адресован, поменялся в лице.

– Что? – спросил он каким-то чужим голосом.

– Ничего, – вдруг резко бросила Дарья, села в машину и хлопнула дверью.

Машина тронулась с места прежде, чем кто-либо успел еще что-то сказать.

– Это...

Мила собиралась сообщить, что эта женщина приезжала к ней, но Доронин ее перебил.

– Так что, подвезти? – снова, как ни в чем ни бывало, поинтересовался Кирилл.

– Хорошо, подвези, так и быть, – вздохнула журналистка. – Только не знаю, по пути ли тебе. Я еду к Оливье де Шарлеруа.

– К кондитеру? И чем он тебя так приворожил? Своими

тортами? Ты вроде не похожа на любительницу сладкого.

Он окинул взглядом ее хрупкую фигурку.

– Да нет, надо поговорить с ним об одном деле.

– Ну ладно, садись. Тем более что мне тоже нужно поговорить с тобой об одном деле.

В уютно пахнущем кожей салоне автомобиля было гораздо приятнее находиться, чем на улице. Мила расположилась поудобнее и покосилась на коллегу. Интересно, чего он от нее хочет?

Кирилл спросил адрес, по которому следует ехать, и, получив ответ, обрадовался, что это в центре, а значит ему по пути.

– В общем так. Обсудить я хотел вот что, – без обиняков начал он, выруливая с редакционной стоянки. – Я проанализировал твои материалы, изучил план твоей работы, и сделал неутешительный вывод.

Мила напряглась и теперь уже глядела на Доронина враждебно.

– Засиделась ты, мать, на должности корреспондента, – улыбнулся он.

– Вообще-то я ответственная за наполнение пяти полос! – попыталась поспорить журналистка.

– Предлагаю тебе стать моим замом, – заявил Кирилл, игнорируя ее слова.

Мила невольно вытаращилась на него и обмерла. Это было очень серьезное предложение. Высокая руководящая

должность подразумевала и повышение зарплаты. Да и в чем-то она была согласна с главредом. Все-таки ей скоро тридцать. Не вечно же по интервью и пресс-конференциям бегать.

Предложение было более чем заманчивое, но продемонстрировать Доронину свою радость Мила не собиралась. Она спокойно ответила, что подумает. Хотя внутри все трепетало. Жаль, что нельзя поделиться этой новостью с Олегом. Непривычно осознавать, что он ей отныне чужой.

– Подумай до понедельника, – согласился Кирилл.

Но, судя по всему, он и мысли не допускал, что она откажется.

Доронин высадил ее у пекарни Шарлеруа. Ее окна, выходящие как раз на сторону проезжей части, были украшены резными решетками под старину.

Мила медленно побрела к парадному входу в здание, выполненному, по всей видимости, в стиле ампира. Только бы не поскользнуться на давно нечищенных широких ступенях...

Молодая женщина раздумывала над словами Кирилла. Конечно, руководящая должность налагала и серьезные обязательства. Теперь ей придется разделять ответственность за качество газеты и достоверность информации с Дорониным. А это значит – работа допоздна, иногда выходы в выходные и праздники. Ее свекровь и так при каждом удобном случае внушала Миле, что нужно больше времени уделять мужу и ребенку, а тут... Кстати, как Анна Ивановна отнесется к

их разводу? Наверное, будет очень рада. Однажды она уже поспособствовала их расставанию. Лишь бы не надоумила Олега забрать у нее Ванечку. Понятно, что в таких ситуациях, как правило, закон на стороне матери, но у Олега связи, деньги, возможности... А у нее работа в газете и комнатка в семейном общежитии.

От мыслей об этом обида и боль накатили на Милу с новой силой. Она осознала, что плачет. Остановилась, поспешно вытирая глаза. А может ну его к черту этого кондитера? Совсем не было желания с ним встречаться. Какая же все-таки глупость – искать пропавший рецепт торта. Разве можно вообще к этому серьезно относиться?

Постояв немного на крыльце под арочным козырьком, молодая женщина вошла и поднялась по ступеням. Двери в арендуемое Оливье помещение были не заперты. Впрочем, так было и в прошлый раз. Она стремительно направилась к кабинету кондитера, но что-то вдруг привлекло ее внимание. Остановилась, повернула голову в направлении окна. То, что увидела Мила, заставило ее замереть в ступоре. Потрясенный разум, словно птица, метался в оболочке неподвижного тела, скованного ужасом.

Их перевезли в какой-то большой старый дом. Только после этого Ксюшу навестил врач. Должно быть, Григорьев не

желал, чтобы о нем узнали, поэтому покинул Николетту и девочку перед приездом доктора.

В доме было очень тепло благодаря аккуратной печке. Сейчас все больше строили камины на европейский манер. А эта печка вызывала у актрисы приятные воспоминания о родительском доме. Возле нее всегда было очень тепло. Тогда еще совсем дитя, она любила, прибежав с улицы, греть об нее ножки. Кроме того, они с братом часто забирались на лежанку сверху. Это было их укрытием.

Теперь, сидя возле кровати мечущейся в лихорадке дочери, Николетта вспоминала мать и отца-немца. Родилась она в Екатеринославской губернии. Там со времен Екатерины Великой жило немало немцев. Отец Фриц Рейнхарт, всегда представлявшийся Федором и почти боготворивший царя Николая, был человеком не бедным, имел свой магазин и пекарню. Старший брат Константин мечтал поступить в Пажеский корпус. Но поскольку в это учебное заведение принимали исключительно детей дворян, путь для Кости был туда заказан. Поэтому юноша трудился на Литейном заводе.

Николетту родители баловали, лелеяли, задаривали подарками. Она была поздним и очень желанным ребенком. После того, как в младенчестве у них умерли два сына, хотели девочку. Матери было уже за тридцать, когда родилась дочь. Потому в семье к ней так бережно и относились. А вскоре стало понятно, что девочка еще и удивительно красивая. Серые, лучистые глаза, светлые локоны, нежное личико,

от которого, раз увидев, трудно отвести взор. Отец не сомневался, что дочери удастся найти завидного жениха, может быть даже аристократа. Когда девочке исполнилось тринадцать, семья переехала в Петроград. Отцу повезло найти среди своих предков какого-то вельможу и доказать, или, скорее, купить дворянство. Костю всеми правдами и неправдами таки определили в Пажеский корпус. А юная Николетта увлеклась театром и задалась целью стать артисткой. Благо внешность позволяла. Сейчас она корила себя за такой безрассудной выбор профессии. Лучше бы стала гувернанткой, библиотекарем или, на худой конец, модисткой.

Но стезя гувернантки казалось ей посредственной и скучной. Свое будущее Николетта видела исключительно в блестящей карьере драматической актрисы, а то и владелицы театра.

Когда девушка объявила о своем желании, родители лишь переглянулись. Всерьез новость никто не воспринял. Конечно, многие считали, что для порядочной девицы это то же самое, что стать содержанкой. Но отец Николетты имел на то время довольно прогрессивные взгляды. К тому же он не сомневался – дочь все равно скоро выйдет замуж и позорить семью с театральными подмостков ей не придется. А пока пусть занимается. Умение танцевать и кокетничать еще ни одной красавице не повредило.

Но все планы рухнули с началом войны между Российской и Японской империями. Отец, в прошлом военный, был

призван на фронт. Брат тоже. Сразу после этого мать Мария умерла от болезни.

Отец и брат погибли на другой войне, Отечественной⁵. Отец – в 1915 году, а брат – в октябре 1916. Оставшись совсем одна в этой стране, Николетта решила отправиться к тетке, сестре отца, во Францию.

Выбери Николетта более приземленную профессию, у нее, по крайней мере, было бы дело, которое приносило бы доход, а не только охапки цветов и подарки от жаждущих ее расположения мужчин. И тогда она бы не встретила графа Волговского. Теперь ей уж точно не выйти замуж за порядочного человека. Такой на актриску с внебрачным ребенком просто не посмотрит.

Болезнь девочки, – как оказалось, это была корь, – отодвинула отъезд на неопределенное время. Сама Николетта не боялась заразиться, и все время проводила у постели дочери, хотя изредка навещавший их Григорьев был этим недоволен.

К счастью, актриса, переболевшая корью в раннем детстве, избежала болезни и с радостью наблюдала, как девочка идет на поправку. Организм ребенка сумел перебороть недуг. Ксюша была уверена, что выздороветь ей помогло украшение отца, которое она по-прежнему прятала от матери.

Когда была в комнате одна, она все также доставала его

⁵ Первая мировая война 1914-1918 годов. В Российской империи получила название Вторая Отечественная война.

и любовалась. Главное, чтобы Nicolette не узнала об украшении! Должно быть, оно дорогое. Ведь настолько красивая вещь не может мало стоить. Вдруг если мать узнает о ней, то захочет продать? Помнится, она говорила, что у них осталось совсем не много денег.

Двуглавый орел, украшенный россыпью сверкающих камешков, завораживал девочку.

Глава

VII

Находясь все еще в ступоре, и рассеяно отвечая на вопросы следователя, Мила нашла в адресной книге телефона номер мужа и нажала кнопку вызова. Лалин ответил сразу.

– Да, Мила, это ты? – он говорил возбужденно, быстро и немного суетливо.

Олег, конечно, не ожидал ее звонка. И будь Мила в обычном состоянии, то обратила бы внимание на то, что его голос звучит не четко и слишком громко.

– Олег, забери, пожалуйста, сегодня Ваню из садика, – едва слышно прошепестела в трубку молодая женщина.

– Мила, давай поговорим, не прячься от меня!

Она отключила телефон.

– Продолжим, – сказал следователь Лев Каплин. – Так зачем, вы говорите, приехали к погибшему?

– Я журналист, писала о нем статью. Привезла экземпляр газеты.

Мила, обнаружившая тело и вызвавшая полицию, решила не сообщать про похищенный рецепт. В данный момент это казалось ей смешным и несущественным по сравнению с гибелью Шарлеруа. Тот лежал у окна в луже крови. Из груди молодого француза торчал профессиональный кондитерский нож фирмы «Kaiser», которым разрезают коржи. Вокруг тела крутились сотрудники полиции, что-то фотографировали, что-то отмеряли, что-то осторожно соскребали или высматривали в густом ворсе ковра.

Следователь попросил ее показать документы. Пока крутил в руках паспорт и удостоверение, спросил:

– Ничего странного, подозрительного не заметили?

Мила отрицательно покачала головой.

– Разве что двери не заперты, – произнесла она медленно. – Хотя так было и в прошлые мои приезды.

– Лева, гляди, тут у него целая коллекция хоум видео, – неожиданно перебил их один из полицейских.

Оказалось, в ноутбуке у погибшего нашли папку с домашними эротическими фильмами. Две женщины, приглашенные в качестве понятых и до сего момента молча наблюдавшие за происходящим, зашушукались.

– Так, бабы, ша, – грубо одернул их полицейский. – Какой-то бзик у мужика. А девочки разные, между прочим.

– Потом изучишь, – бросил ему следователь.

– О, вот эта ничего так, красивая, – ухмыльнулся парень, игнорируя слова коллеги.

Мила, отрешенно изучавшая лепнину потолка, теперь бросила короткий взгляд на экран и узрела уже знакомое видео.

– Я ее знаю, – произнесла молодая женщина.

Следователь подался вперед.

– Кто она?

– Это Дарья Лисневская, владелица одного автосалона.

Мы покупали у нее машину.

– Она замужем?

– Да.

– Вот это уже интересно. А кто муж?

– Я не знаю, вроде бы какой-то депутат.

– Ух ты ж... Коля, пробей мне, кто такая Дарья Лисневская и кто ее супруг.

– А супруга как зовут? – подал голос уже знакомый Миле опер.

– Не знаю, ищи по фамилии Лисневский.

– Нет такого. Если ты о той дамочке, у которой автосалон на Тихомирова, то муж у нее не Лисневский, а Доронин. Депутат областной Думы. Я его запомнил по скандалу примерно пятилетней давности. Он тогда лишнюю землю под этот автосалон захапал, примыкавшую к парку. Все газеты об этом гудели. А ему хоть бы хны. Как-то выкрутился мужик...

Мила подняла голову и уставилась на полицейского. Тот стоял к ней спиной и листал документы. Сидевший напротив

следователь тоже не придавал значения ее удивленному взгляду.

– Телефон, адрес вам ее известны? – поинтересовался следователь, вновь обращаясь к журналистке.

Лев Гаврилович в ходе их беседы делал какие-то пометки. Это был мужчина лет сорока, темноволосый с уже обозначившейся сединой. Черты лица его можно было назвать интеллигентными. Да, пожалуй, это верное определение. Наверняка Каплин был очень дотошным и эрудированным человеком. Это подтверждал и четкий, каллиграфический почерк. Глядя на то, как он выводит слова в бланке протокола допроса свидетеля, Мила невольно вспомнила знаменитого героя Достоевского князя Льва Николаевича Мышкина. Тот тоже был знатный каллиграф... «Смиренный игумен Пафнутий руку приложил», – эта фраза из романа «Идиот» ни с того, ни с сего застряла у нее в голове. С Милой такое случилось – вспомнится какое-то слово или строчка из песни, совершенно не важная и неуместная в данный момент, и никуда от нее не деться.

В помещение постоянно кто-то входил и выходил, люди мельтешили перед глазами, мешая сосредоточиться. Мила только сейчас заметила, что запах здесь совершенно изменился. Вместо привычных ароматов кондитерской – выпечки, ванили, шоколада, карамели, цитрусовых, – воздух был пропитан тяжелым, неприятным, сладковатым смрадом. Как в мясном отделе магазина, только более омерзительным. От

него даже слегка подташнивало. Наверное, это и был запах крови.

Молодая женщина нашла в телефоне номер, с которого ей звонили после того, как она застала мужа, целующегося с Лисневской.

– Вот, попробуйте позвонить.

Каплин тот же час так и поступил. Но трубку не брали.

Мила старалась не смотреть туда, где лежал труп. Судя по словам, которыми между собой перебрасывались сотрудники полиции и судебно-медицинский эксперт, Оливье погиб совсем недавно – буквально несколько часов назад. Два опера, опрашивавшие людей, чьи офисы также размещались в этом здании, сообщили, что те ничего не слышали и не видели.

– Ну, это как водится, – вздохнул Лев Гаврилович и повернулся к Миле: – Вы, если еще что-то вспомните, наберите меня.

Он протянул ей свою визитку, которую журналистка машинально сунула в карман сумочки.

Молодая женщина уже покидала место происшествия, когда услышала голос Каплина. Тот стоял у стола и говорил по телефону, тихонько барабанил пальцами по столешнице.

– Дарья Лисневская? Добрый день. Вас беспокоит следователь прокуратуры Лев Гаврилович Каплин...

Выйдя из пропитанного запахом крови и курева помещения, Мила вздохнула с облегчением. В голове потихоньку на-

чало проясняться. И все же заторможенное состояние после шока никак не проходило.

Побрела к остановке. К счастью, нужная маршрутка подкатила практически сразу, даже ждать не пришлось. Садясь в нее, Мила краем глаза заметила выехавшую со стороны дворов Ауди Кирилла Доронина. Машина стремительно понеслась в направлении центра. Хотя, номеров-то она не знала. Может ей вообще показалось, и это совсем другой автомобиль?

Олег не мог находиться в квартире, где каждая мелочь напоминала о жене. Уже несколько дней он ночевал в бабушкиной двушке, которую та когда-то завещала ему. Рука не поднялась продать ее или сдать. Здесь все напоминало о детстве. Старый телевизор, по которому смотрели «Голубой огонек» в новогоднюю ночь, так и стоял, накрытый кружевной салфеткой. Диван был разложен и на него небрежно брошен клетчатый плед, которым Лалин укрывался.

На работе он не появлялся с того самого дня, когда все произошло. Время от времени пил. Не напивался до беспамьтства, но с учетом того, что еще недавно он не употреблял спиртное вовсе, для него даже полбутылки коньяка казались чем-то из ряда вон выходящим.

После звонка Милы Лалин бросился в ванную и уставился своими опухшими глазами с красными прожилками в зеркало. Да уж, ничего не скажешь. Хорош! Воспитатель ему точно Ваньку не отдаст. Небрит, взьерошен, и перегаром несет

за метр. Олег принялся чистить зубы и бриться. Решил ехать в детский сад на такси. О том, чтобы сесть за руль, и речи не шло.

Сердце радостно бухало о грудную клетку. Позвонила сама! Видимо что-то там у нее стряслось из ряда вон выходящее. В этом они потом разберутся. Главное, что она сделала шаг к примирению! Теперь нужно было ей все объяснить так, чтобы она правильно поняла.

А случилось тогда вот что. Дарья вновь явилась к Олегу на работу, на этот раз чтобы уговорить его еще немного поддержать у себя ее «украшение». Синий футляр так и лежал в сейфе поверх документов. Признаться, Лалин о нем вовсе забыл.

– Спасибо, ты настоящий друг! – Лисневская, пребывавшая в прекрасном настроении, бросилась к нему и принялась целовать сначала в одну щеку, потом в другую.

– Дашка, прекрати, – он пытался увернуться.

Но та, очевидно, в порыве чувств еще крепче обняла Лалина, едва не усевшись к нему на колени. В этот момент открылась дверь, за которой оказалась Мила. Олег грубо спихнул с себя Дарью и бросился догонять жену.

Вернулся Лалин быстро. Даша, уже не такая веселая, сидела на стуле. Увидев, насколько он разъярен, испуганно заморгала и словно сжалась вся. Казалось, он сейчас ее ударит!

– Уходи, – прорычал Олег.

– Подожди. Да, я дура... Виновата. Давай, я с ней погово-

рю.

– Убирайся, я сказал! И цацку свою забирай!

– Я не могу, Олег, пусть у тебя побудет. Ну, пожалуйста! – взмолилась Даша. – А с Милой я поговорю, обещаю!

– Пошла ты!

Лисневская вышла вон, и он остался один. Сел за рабочий стол, уронил голову на руки. Потом спохватился, взял телефон, набрал номер жены. Аппарат абонента был выключен.

Григорьев с некоторой досадой наблюдал, как Николетта и девочка садятся в коляску. На прощание Александр поцеловал актрисе руку с галантностью, на которую способен только аристократ. Ее рука была в его ладони всего пару мгновений, но у Григорьева перехватило дыхание от осознания этого. Она выразительно посмотрела на него, словно догадавшись об его чувствах. А он глядел на самое прекрасное лицо на свете... И любовался.

Коляска уже тронулась, когда он вдруг передумал и на ходу запрыгнул в экипаж.

– Провожу вас до вокзала, – пояснил мужчина, поймав ее удивленный взор.

В дороге почти все время молчали, обменявшись лишь парой ничего не значащих фраз. Еще несколько улиц и экипаж выехал на Вокзальную площадь.

Григорьев заранее убедил актрису одеться попроще, чтобы не привлекать к себе внимания. Сейчас, глядя на мелькавшие в толпе хмурые лица, словно высматривающие хорошо одетых пассажиров, чтобы ограбить их, Николетта пришла к выводу, что Александр был прав.

На железной дороге творилось что-то невообразимое. Казалось, весь город решил уехать. Женщина с девочкой ни за что не протолкнулись бы к вагону, если бы не Григорьев, оттеснивший всех от Николетты. Взяв Ксению на руки, он поставил ее на площадку вагона, затем поднял туда же вещи.

Пока Ксюша болела, царь отрекся от престола. Это повергло в шок Николетту, приученную отцом уважать и почитать императора. После этой новости актриса решила, что уезжать необходимо как можно скорее. Тем более что бунты гремели во всех крупных городах империи.

Женщина поднялась по ступенькам в салон-вагон, остановилась и обернулась. Он застыл под этим пронзительным острым взглядом. Теперь понимал, что в ней его пленило – хрупкая красота, какая-то неуловимая грация, томность движений, и в то же время естественность.

Ее место было вторым от входа. Григорьев ждал, когда она появится в окне. Он поднял воротник. В лицо летел снег. Вот, наконец, за стеклом мелькнуло бледное лицо Николетты. Станный предводитель рабочих с офицерской выправкой и умная, утонченно-красивая женщина с полминуты смотрели друг на друга. Потом актрису сменила Ксения,

прижавшаяся к стеклу носом.

Когда поезд тронулся и, набирая ход, помчал в ночной сумрак, Григорьева неожиданно охватило ощущение полного одиночества и ненужности. Он остался один на один с городом, готовым встать на дыбы. А ведь неделю назад и подумывать не мог, что способен на такие чувства. Мрачная готовность погибнуть в любой момент еще недавно казалась ему героизмом и высшей доблестью, а теперь – неслыханной глупостью и абсурдом. До щемящей боли в груди, при которой невозможно вдохнуть, захотелось домашнего тепла.

Николетта не знала, что возвращаясь с вокзала, Григорьев увидел у дома, где арендовал комнаты, запыленный Паккард и нескольких человек в штатском. Нутром почуял – его приехали арестовывать. Попадаться было нельзя! Александр с минуту из темноты наблюдал за теми, кто был послан за ним, а потом повернулся и пошел прочь. Пальцы в кармане плотнее сжали браунинг. Если заметят, начнется погоня, он будет отстреливаться. Но никто его не преследовал. Григорьев пожалел, что не уехал сегодня вместе с женщиной, которой уже был готов открыть душу. Увидит ли он ее еще когда-нибудь?

Глава

VIII

Автосалон «Mountain» представлял собой современное двухэтажное здание со стеклянным фасадом, и находился в довольно престижном районе города – на улице Тихомиро-

ва. Каплин приехал на автобусе. Благо, погода выдалась солнечная и располагала к прогулкам по городу.

Следователь бодро направился по хрустящему подтаявшему снегу к ступенькам. Войти решил с парадного входа. Хотя по телефону хозяйка говорила, что в ее приемную есть отдельная лестница с правой стороны здания. Но Каплину хотелось иметь представление о том, что же являют собой «владения» Лисневской.

Зеркальные витражи фасада отразили высокого широкоплечего bruneta. Внутри все выглядело также современно, стильно и ослепительно. Просторный зал, благодаря стеклу и металлу в оформлении, отличался какой-то особенной прозрачностью и легкостью.

Менеджер окинул вошедшего пренебрежительным взглядом, но все же двинулся к нему, нацепив на лицо дежурную улыбку.

– Здравствуйте, чем могу помочь? Желаете подобрать автомобиль?

Лев Гаврилович четко различил в этих словах издевку. Сильно поношенные ботинки и далеко не новая куртка из кожзама ясно давали понять, что их владелец точно не из числа клиентов данного автосалона.

– Добрый день. Я из прокуратуры.

Каплин пару секунд наблюдал, как вытягивается спесивая физиономия продавца японских автомобилей.

– Как мне найти Дарью Александровну? Она меня ждет.

– Пойдемте. Это туда, – растерявший весь свой гонор молодой человек указал рукой в сторону лестницы с ажурными металлическими перилами.

Шли между «японцами» всевозможных расцветок, сверкавших в брызгах солнечного света. Да, стеклянный фасад для автосалона – самое лучшее решение, – мысленно рассуждал следователь, который, как и практически любой мужчина, был равнодушен к автомобилям. Солнце сегодня светило по-весеннему ярко и буквально заливало золотистым сиянием зал.

Вышколенная секретарша тут же доложила о посетителе и Лисневская распорядилась пропустить гостя. Она взяла своими тонкими холеными пальчиками бокал, искрящийся рубиновым сочным блеском. Сегодня светлые волосы Дарьи были собраны в объемный пучок. Эта прическа вкупе с элегантным деловым костюмом и безукоризненным макияжем придавали ей вид истинной бизнес-леди. Хотя, в сущности, она и была таковой. Каплин снял куртку и повесил ее на вешалку в приемной. Войдя в кабинет, он буквально физически ощутил, что от этой женщины, такой стильной и ухоженной, за километр веет эротизмом, большими деньгами и успешностью.

Внутри все было под стать хозяйке пронизано роскошью и уютом, начиная от бежевых с золотым узором диванов и заканчивая молочного оттенка обоями, а также шторами в цвет мебели.

– Вы что, пьете посреди рабочего дня? – удивился следователь.

– И вам добрый день. Это вишневый сок, – невозмутимо сказала Дарья. – Так чем обязана? Хотите приобрести машину?

– Нет, на автомобиль я пока не накопил.

– С такой работой и не накопите. Вы же честный?

– Пожалуй, да.

– Значит, работаете за идею. Вы присаживайтесь. Будете кофе или чай?

Лев Гаврилович неопределенно кивнул и скромно опустился на стул. Создавалось впечатление, что он чувствует себя не очень уверенно среди всей этой красоты. Надо признать, его потертый пиджак смотрелся тут действительно нелепо.

Хозяйка нажала сенсорную кнопочку на пульте новомодного переговорного устройства «директор-секретарь», и распорядилась сделать ей и посетителю кофе. Каплин невольно вспомнил старые селекторы в их конторе.

– Почему вы не пригласили меня к себе? – Лисневская отставила подальше бокал, чтобы случайно не задеть его и не опрокинуть на свой короткий жакет или узкую юбку-карандаш с принтом «гусиная лапка».

– В прокуратуру? Да ну, дело у меня пустяковое. Вот проезжал мимо, решил заехать.

– Ааа, – Дарья понимающе кивнула. – Вообще-то нежи-

данно.

– Вам знаком Оливье де Шарлеруа? – спросил следователь, раскрывая свой рабочий блокнот.

– Да.

– Откуда?

– Я покупала у него торт, – Дарья едва заметно улыбнулась.

Женщина прищурила глаза, словно довольная сытая кошка. Выглядело, будто она старается не пропустить ни одной даже самой незначительной перемены в поведении собеседника. Дарья определенно чувствовала себя хозяйкой положения.

– Какие у вас были отношения с Шарлеруа?

– Никаких. Просто знакомый, – не моргнув глазом, ответила Лисневская.

– Когда вы в последний раз его видели?

– Месяца два назад. А к чему все эти вопросы? Что случилось?

– Он убит.

Каплин не был настроен шутить и обмениваться колкостями. Сразу перешел к делу. После его слов о смерти кондитера Лисневская чуть побледнела и откинулась на спинку стула. Лицо ее стало серьезным, но ни удивления, ни страха, который обычно испытывают большинство женщин, слыша подобное известие, на нем не отразилось.

– Вы не удивлены?

– Отчего же... Еще как удивлена. Не часто людям сообщают, что их знакомого убили. Мне так вообще впервые в жизни. Вы же серьезно про убийство?

– Конечно.

– Ну да. На шутника вы не похожи.

– Как думаете, кто мог это сделать?

Дарья задумалась и после короткой паузы ответила:

– Понятия не имею.

Следователь некоторое время испытывающее смотрел ей в глаза, а потом достал старый, треснувший планшет, включил и протянул ей.

– Поглядите. Знакомо вам это видео?

Лисневская посмотрела на экран устройства и все ее спокойствие испарилось. Она вскочила с места. Щеки ее пылали, глаза сверкали. Кажется, в них даже блестели слезы.

– Откуда это? – голос Дарьи дрогнул, как у человека, который вот-вот расплчется. – Это что, было у него?

– Да. В ноутбуке и в телефоне.

– Господи... – молодая женщина закрыла лицо руками, отвернулась к окну.

Она молчала, Каплин тоже. Лисневская едва сдерживала слезы, поэтому боялась повернуться и что-то сказать. А Льву Гавриловичу было не до сантиментов и тактичности.

– Так что вы по этому поводу думаете? – заговорил он.

Дарья все также стояла к нему спиной. Взяв себя в руки, она глухо спросила:

– Это... еще кто-то видел?

– Несколько моих коллег. Сами понимаете, материалы дела.

Она всхлипнула, больше не в силах сдерживаться. Села в кресло, прикрыв тыльной стороной ладони нижнюю часть лица, от чего рукав пиджака съехал вниз и обнажил изящные золотые часики.

– Кошмар... – прошептала Дарья.

– Ваш муж мог узнать о... ваших отношениях с Шарлеруа?

Лисневская отрицательно покачала головой.

– Подобных роликов у него около десяти штук. На всех разные женщины.

– Вот скотина...

– Кто, по вашему мнению, мог желать ему смерти?

– Кто угодно... Может одна из его баб, или муж какой-нибудь из них. Это ваша работа, вы и разбирайтесь. У вас ко мне еще какие-то вопросы?

Каплин понял, что говорить с ним больше не желают, поэтому встал. Выходя из кабинета, он на долю секунды задержал внимательный взгляд на поникшей фигурке за столом.

– Разберемся, – уверенно сказал он. – До свидания, Дарья Александровна.

Насчет того, что давно не видела Шарлеруа, Лисневская, возможно, и не врала, – думал Лев Гаврилович. Видео было снято даже больше двух месяцев назад, еще осенью.

В приемной оказалось пусто. Скорее всего, секретарша отправилась на обед. Поэтому Каплин не спешил уходить. Остановившись за дверью кабинета Лисневской, он прислушался. Пару минут было тихо, если не считать нескольких всхлипов. Потом раздался голос Дарьи.

– Алле, привет. Ты можешь говорить? С голосом? Ничего. Просто хочу тебя увидеть. Я соскучилась. Мне плохо. Хочу послать все к черту и побыть с тобой. Хорошо. И я тебя...

В этот момент в коридоре послышался цокот каблучков. Лев Гаврилович направился к двери приемной и практически столкнулся с секретаршей.

– До свидания, – бросил он, хватая с вешалки куртку и выходя.

На улице Каплин задумался. Этот визит к Лисневской неожиданным образом поколебал его душевное равновесие. Пусть опыт работы его еще был не велик, но все же интуитивно следователю часто удавалось определить, замешан человек в деле или нет. А тут было совершенно ничего непонятно. Лисневская всем своим существованием, тем, какая она есть, просто сбивала с толку. Лев вздохнул и достал мобильный. Увидел пропущенный вызов от журналистки Меланьи Литвиновой. Всегда перед важными разговорами ставил телефон на беззвучный режим, чтобы никто не сбивал с мысли. Хотя эта привычка была не самой полезной для следователя, ведь могли позвонить и по важному вопросу.

Дело в том, что дома Мила с опозданием вспомнила еще

одну деталь. Лисневская говорила, что кондитера зовут Андрей, а не Оливье. Может, стоило сказать полиции? Да и вообще было интересно узнать подробности этого происшествия. Лев Гаврилович показался ей довольно контактным и простым человеком. Сообщив ему новую и, как ей казалось, важную информацию, Мила рассчитывала и сама что-нибудь выведать.

Вернувшись домой в день гибели Шарлеруа она, благодаря тому, что Ваня остался у отца, получила возможность поразмыслить над всем произошедшим. Выходит, Кирилл – муж Лисневской? Мила не могла в это поверить. Хотя она ведь слышала только фамилию. Да и не был редактор никаким депутатом. Тут она вспомнила про случайно оброненную им фразу о том, что его отец является клиентом охранного холдинга Олега. Поискала в интернете – все верно, депутат Вадим Доронин на самом деле существовал. Значит, отец Кирилла – это супруг Дарьи?! Похоже на то. Теперь понятно, откуда они знакомы.

Когда на экране мобильного высветилась фамилия следователя, Мила без промедления взяла трубку.

– Вы мне звонили...

– Да, Лев Гаврилович, я хотела сообщить, что вспомнила один интересный нюанс. Не уверена, что это правда, но Оливье де Шарлеруа – не настоящее имя погибшего...

– Я знаю, – спокойно сказал Каплин. – Его звали Андрей Волговский. Он потомок русских эмигрантов. А для псевдо-

нима взял фамилию матери-француженки.

Фамилия Волговский резанула слух. Мила изучила список тех, кому в разные годы вручался орден. Конечно, проследить судьбу каждой награды нереально. Хотя, если покопаться в архивах, поговорить с историками... Так вот, она уже встречала эту фамилию в списке тех, кто удостоивался Императорского ордена Святого апостола Андрея Первозванного.

– Вы больше ничего не вспомнили? – спросил Каплин вежливо.

– Знаете, у меня есть кое-какие догадки... – проговорила Мила. – Только мне нужно уточнить один момент. Давайте встретимся с вами через пару часов?

– Хорошо, давайте.

– А еще, – молодая женщина смущенно замялась. – Вы не могли бы подсказать мне, есть ли в нашем городе какая-нибудь благотворительная организация, которая может оказать помощь молодой матери с маленьким ребенком?

Озадаченный такой просьбой, Каплин задумался.

– Так сразу не подскажу. Мне необходимо это выяснить.

– Я, конечно, могла бы узнать по своим каналам, – принялась торопливо пояснять журналистка. – Но не хотелось бы, чтобы на работе узнали.

– Я вас понял. Обсудим это при встрече.

Глава

IX

Когда Мила появилась в кафе, Лев Гаврилович уже ждал ее за столиком у окна в дальней части зала. Это было не дорогое, но очень уютное и чистое заведение, позиционирующее себя, как кофейня, где подают натуральные горячие напитки и десерты.

– Извините за опоздание, – на ходу развязывая шарф и расстегивая пальто, проговорила журналистка.

Следователь помог ей снять верхнюю одежду.

– Время не рассчитала, думала, на автобусе быстрее доберусь, – продолжала оправдываться Мила, уже усевшись за столик.

– Я вам заказал черный чай, вы не против?

– Конечно, нет, спасибо. Как продвигается расследование?

– Продвигается, – неопределенно ответил Каплин.

– Скажите, у Шарлеруа здесь есть родственники?

– Да, как выяснилось, есть. Но я не буду обсуждать это. Извините. Вы хотели мне что-то сообщить...

– Да, это немного странная подробность, но вдруг вас заинтересует. В общем, когда я приехала к Оливье брать интервью, он рассказал, что у него похитили рецепт его авторского торта «Заговор Высокомерных». И просил меня помочь найти того, кто это сделал.

Вопреки ожиданиям Милы следователь не рассмеялся и не уставился на нее, как на дурочку. Напротив, эта информа-

ция явно заинтересовала Каплина. Он достал рабочий блокнот и принялся делать какие-то пометки.

– Какого числа это было? – не поднимая глаз от страниц, задал вопрос Лев Гаврилович.

Журналистка назвала дату.

– В тот день у него была любимая женщина, как он выразился. А еще несколько клиентов. Так вот, я подумала, что это могла быть Дарья Лисневская, – неуверенно добавила Мила.

Взгляд Каплина посуровел, хотя, возможно, ей только показалось.

– Он сказал, что у него в тот день была любимая женщина или именно Дарья Лисневская? – уточнил, нахмурившись, Лев Гаврилович.

– Нет, имени он не называл, – Мила уставилась на Каплина.

До сих пор она была уверена, что речь шла именно о Дарье. Но ведь получается, это она сама так решила. А кого на самом деле имел в виду Шарлеруа – не известно.

– Лисневская сказала мне, что не общалась с погибшим уже несколько месяцев.

– Какая-то особа все же у него была.

– Значит, *cherchez la femme*, – подытожил следователь.

Молодая женщина сделала глоток ароматного чая.

– Может быть, кто-то с его видеозаписей? – предположила она.

– Мы проверили всех женщин на видео. Ни одна из них кроме Дарьи Александровны не живет, и никогда не бывала в России. С кем-то он знакомился на отдыхе в жарких странах, с кем-то во Франции.

– Как вам удалось все это узнать еще и так быстро? – изумилась журналистка.

– Не важно. Есть способы узнать и не такое. А видео просто были подписаны. Дата, место. Кое-где даже имя. Кстати, видеоролик с участием Лисневской не подписан. Если бы не вы, мы бы долго искали исполнительницу главной роли. Проверили его телефон, почту, соцсети. Ни в телефоне, ни в компьютере информации о какой-либо другой даме нет.

Мила собиралась рассказать о насторожившем ее совпадении – в день, когда у Шарлеруа украли рецепт, Дарья Лисневская принесла в офис Олега орден. Лалин сам сообщил ей об этом буквально час назад, когда она ему звонила. Молодая женщина и так догадывалась, как на самом деле обстоит дело, но следовало все же уточнить. Однако что-то удержало журналистку от того, чтобы выложить все это следовательно. Двуглавый орел, украшенный бриллиантами чистой воды – не это ли было истинной причиной, по которой кондитер стремился найти похитителя? Рецепт, скорее всего, служил лишь прикрытием.

Помнится, Шарлеруа говорил, якобы кто-то из его предков был родом из России и покинул страну перед самой Гражданской войной. Теперь Мила была уверена, что это

именно орден графа Волговского, но никаких доказательств у нее не имелось. А следовательно, скорее всего, решит, будто она заигралась в сыщика. Ведь не факт, что это именно тот орден, и что он принадлежал Шарлеруа. Вот если бы спросить у Дарьи, откуда она его взяла... К тому же, надо еще проверить, вывозились ли такие награды за границу, в частности, во Францию.

Клеветать на других людей действительно не стоило. Пока нужно самой во всем разобраться. Поэтому молодая женщина предпочла сменить тему.

– Я хотела поговорить еще кое о чем.

– Да, я помню, про благотворительный фонд. Зачем вам это нужно? – Каплин закрыл блокнот и окинул ее внимательным взглядом своих серьезных синих глаз.

– Понимаете, дело вот в чем. Я живу в семейном общежитии, и у меня есть соседка Вера. Она мать-одиночка. В комнате даже телевизора нет. Ребенок одет в то, что кто-то отдал. У него всего трое колгот, описался – ходил по коридору в трусах. По разговору я поняла, что у ее сына нет своего полотенца, постельного, про игрушки вообще молчу. Когда они лежали в больнице, их выписывали как можно позже, чтоб ребенок хоть немного отъелся. Мама у врача занимала деньги на проезд. Я так поняла, они вообще в больнице частые гости, так как условия там лучше, чем у них в общежитии. Отдала ей некоторые вещи и игрушки сына, но этого мало. Ей нужно нормальное питание и одежда, а я сама не

располагаю сейчас средствами.

Каплин внимательно слушал ее, на лице его появилось озадаченное выражение.

– Она именно мать-одиночка? Не в разводе?

– Нет. Отца там, я думаю, и близко не наблюдается.

Неожиданно у Льва Гавриловича созрел план, как раскрутить одну состоятельную мадам на благотворительную помощь, а заодно получше узнать, что она за человек.

– Сейчас, одну минуту, – сказал он, доставая телефон.

Когда сняли трубку, и следователь заговорил, Мила удивленно на него воззрилась. Ведь звонил он последнему человеку, у которого, по мнению молодой женщины, вообще стоило просить помощи.

– Алло, Дарья, это Каплин. Мы сегодня виделись. У меня к вам одно предложение. Как вы относитесь к благотворительности?

Он изложил рассказанную Милой историю. Журналистка не знала, что ответила Лисневская, но слова Льва Гавриловича дали понять, что это был отказ. Что ж, ожидаемо.

– Очень жаль, Даша, – произнес следователь. – Ну что вы, какое панибратство. Извините, если обидел. На брудершафт мы с вами точно пить не будем, слишком в разных кругах вращаемся. Просто я думал, что для вас это не составит труда. Извините еще раз. До свидания.

– Не вышло, – проговорил Каплин, уже обращаясь к Миле.

По его понурому виду та догадалась, что он расстроился. Неужели правда надеялся, что эта стерва согласится помочь? Какой-то наивный человек, хотя и явно перешагнувший уже сорокалетний рубеж.

– Я подумаю, что еще можно сделать. Пришлите мне контакты этой женщины. А сейчас мне пора идти, еще много дел.

Лев Гаврилович отсчитал какую-то сумму и сунул ее под блюдце, на котором стояла пустая чашка.

– Хорошо, до встречи.

Уже застегивая куртку, он вдруг спохватился и повернулся к журналистке.

– Мила, вы были последней, с кем убитый говорил по телефону. И вы нашли труп. Так что на вашем месте я бы не расслаблялся.

Эта странная фраза заставила молодую женщину задуматься. Разве могут ее привлечь к этому делу, как подозреваемую? Да ну, что за чепуха!

На самом деле, кроме расследования убийства кондитера никаких важных забот по работе у Каплина не было. Все более-менее важные задания были перепоручены операм, которые проверяли знакомых Шарлеруа и его многочисленные связи. Из тяжких уголовных преступлений в его ведении на данный момент было только это дело. Пока на него старались много не вваливать, учитывая небольшой опыт работы в следствии. Просто ему нужно было подумать, кое-что

сопоставить. Сейчас уже не казалось, как когда-то, во время учебы, что в его профессии скрыта некая романтика. В действительности все было слишком уныло и грязно. Даже чужие тайны и риск для жизни не будоражили. Хотелось чего-то большего. Все-таки не мальчик на побегушках, чтобы вот так по городу колесить. Наверное, кризис среднего возраста с опозданием явился.

Мила тоже не стала засиживаться в кафе. Допила чай, надела пальто, и направилась к выходу.

Недалеко от входа, скрестив на груди руки и присев на капот автомобиля, ее ждал Лалин. Молодая женщина подошла к нему.

– Ты что, за мной следишь?

– Ты сама сказала, что встречаешься здесь со следователем по делу об убийстве француза.

– Но это не значит, что ты должен был сюда приезжать.

– Я думал, теперь ты готова со мной поговорить. И объяснить, что происходит. Где ты живешь? Почему звонишь и выпытываешь, откуда у меня в сейфе какой-то орден и как он там появился. Тебя вообще волнует хоть немного наша семья?

– Олег! – Мила подняла на мужа полные изумления и обиды глаза. – Ты отчитываешь меня, как девчонку. Но ведь это ты виноват!

– Ты себе что-то там надумала, а я виноват? – воскликнул Лалин.

Он явно больше не чувствовал себя провинившимся.

– Да, ты! И знаешь, видеть тебя не хочу! – в сердцах вырвалось у нее.

Мила повернулась и зашагала к остановке.

Поговорив со следователем, Лисневская отключила телефон и небрежно бросила его на шелковое покрывало. На ее лицо вернулось выражение отрешенности. Дарья сидела на кровати в гостиничном номере. Судя по убранству помещения, одном из самых дорогих. Ковры, мебель, шторы, торшеры и бра были выполнены в различных оттенках красного и золотого.

Кирилл Доронин швырнул в кресло свою кожаную сумку для документов, и снял пиджак, оставаясь в голубой рубашке и брюках. На Даше был тот же элегантный деловой костюм, что и утром. Идеально зауженный, он выгодно подчеркивал все изгибы женственной фигуры. Маленький кулон белого золота в виде нежной капли на ее шее приковывал взгляд к ямочке между точеными ключицами.

– Ко мне приходил следователь, – говорила Лисневская. – Страшно. Разве к людям просто так приходят следователи? Вдруг меня в чем-то подозревают?

– Ой, забей. Будешь? – беззаботно сказал Доронин, наливая себе в бокал вина и стрельнув в сторону Дарьи взглядом бывалого сердцееда.

Лисневская отказалась, скривив нежно-розовые губки, поэтому он выпил сам.

– Просто проверяют всех клиентов этого француза, – стал рассуждать мужчина. – Что ты можешь знать? Ты же у него просто торты покупала.

– Ну да, – она кивнула. – Но все равно страшно.

– Успокойся, – он приблизился и нежно коснулся ее щеки.

Ее чуть низкий, с глубокими нотками, голос будоражил его слух и сводил с ума.

– Мне так плохо, Кирилл... Из-за всего этого.

Она часто дышала, кончики ее пальцев слегка подрагивали, а щеки казались бледнее обычного. Но в его глазах это лишь добавляло ее шикарной внешности магнетизма. А трогательную растерянность и волнение он трактовал по-своему. Они встречались в гостинице не так давно. И, конечно, каждый раз рисковали, ведь отец мог узнать об интрижке молодой супруги с пасынком. Однако в своих чувствах Кирилл был искренен. Он действительно влюбился в живую и яркую красавицу. Впервые осознал это, наверное, тогда, когда она божественно пела на дне рождения отца в ресторане. Это был такой оригинальный подарок имениннику.

– Сейчас будет хорошо, – усмехнулся Доронин, наваливаясь на нее и мягко вдавливая молодую женщину в пышные волны покрывала.

– Ну, Кирилл, – попыталась слабо воспротивиться она.

– Шшш... – прошептал мужчин, задирая повыше ее юбку и торопливо расстегивая молнию на брюках.

Глава

Убийство модного кондитера всколыхнуло город. Утром в понедельник Кирилл первым делом направился к Миле. Опершись ладонями о стол, объявил:

– Грохнули твоего Шарлеруа. Это ж надо. Причем сразу после выхода интервью. Уже посчитали предварительно тиражи, я тебе скажу – рост существенный.

– Вот это повезло, – иронично заметила молодая женщина.

– Да ладно, я не сумасшедший, чтобы радоваться чужой смерти. У него родственники-то хоть были? Надо текст соболезнования в следующем номере разместить. Ты подумала над моим предложением?

– Да. Я согласна.

– Ну и прекрасно. Значит, скажу секретарю, чтоб составила приказ о назначении.

– Эротоманом был этот ваш Оливье. Точно вам говорю, – заметил спортивный обозреватель Илья. – Вон про него пишут, что порнушку коллекционировал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.